

НОВАЯ ПОЛЬША 1/2012

Содержание

1. ТРЕЗВЫЕ ЦИФРЫ
2. «СОЛИДАРНОСТЬ» ПЕРЕД ЛИЦОМ ТОТАЛИТАРИЗМА
3. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
4. ЭКОСИСТЕМА ДОБРОЙ ВОЛИ
5. ЦЕНТР ГРАЖДАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
6. ОБЪЕДИНЕНИЕ «НИКОГДА БОЛЬШЕ»
7. СТИХОТВОРЕНИЯ
8. В ТЕНИ ВОЗМОЖНОЙ КАТАСТРОФЫ
9. КОНЕЦ СВОЕВОЛИЮ
10. С МЫСЛЬЮ О БУДУЩЕМ
11. РЕПАТРИАНТЫ
12. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
13. МИЛОШЕВСКИЙ КОНКУРС ДЛЯ РУССКИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ
14. ВАЛЬС
15. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
16. ПО ВАРШАВЕ НАЯВУ: О ДОСТОИНСТВАХ ПЛОХИХ ДОРОГ И НЕДОСТАТКАХ ОГОРОЖЕННЫХ КВАРТАЛОВ

ТРЕЗВЫЕ ЦИФРЫ

И всё-таки Польша стала «зеленым островом» в океане кризиса. Новое правительство, которое возникало во время крепнущего в Европе кризиса, уже не могло рассчитывать на мифические миллиарды, разрекламированные в избирательной кампании. Надо было полагаться только на силу собственного общества, которое является самым предприимчивым во всем Евросоюзе. В оставшихся до сих пор не очень-то описанными обстоятельствах была принята программа изменений, сравнимая с той, которая принималась в конце 1989 года. В тот давний момент никто, включая тех, кто перед этим стоял у власти, не верил, что страну удастся вытащить из коллапса, продолжая реформировать ее так же, как это делали в прежние годы. Требовалось свернуть с дороги, которая вела на край пропасти. Не иначе было и теперь. Задолженность приобрела размеры, превосходящие человеческое воображение. Индикатор, показывающий ее уровень, стал напоминать включенный вентилятор. Прервать работу этого механизма самоуничтожения могло только фундаментальное изменение системы.

Шевеление в судах

Начали его с правосудия, которое и до, и после вступления в Евросоюз не действовало. Судей в Польше насчитывалось больше, чем во многих странах ЕС, но, невзирая на это, работа судов и совершение актов правосудия пребывали в перманентном коллапсе. Трудно иначе охарактеризовать состояние, при котором предприниматель получает решение по спорному вопросу спустя примерно три года. Не должна повториться такая ситуация, как со строительством обьездной дороги в долине реки Роспуда, когда суд остановил инвестицию через три года после ее начала.

А у предпринимателей не было другого способа защититься в спорах с бюрократией. Формально закон был на их стороне, но со времен ПНР, да и в минувшие годы Третьей Речи Посполитой правительственная администрация изначально подразумевала вину предпринимателя. Кстати говоря, в недавнем прошлом это публично признал один из заместителей министра экономики. Он сознался, словно на кушетке у психоаналитика, что хотел это изменить, но та самая бюрократия ему не позволила.

Хватило всего нескольких организационных изменений в судебной системе, чтобы сдержать блокирование и подавление общественной и хозяйственно-экономической активности. Отныне судьи не могли откладывать процесс на целые месяцы — разве что на следующий день. Был принят принцип «trail»: судебное разбирательство должно вестись день за днем вплоть до разрешения спора и вынесения приговора. Суд занимался только рассмотрением дела, а все остальное, как, скажем, забота о предоставлении свидетелей и доказательств, находилось в ведении сторон.

Изменение прежней системы вручения уведомлений оказалось почти революцией. С этого момента уже не удавалось затягивать процесс на годы, как было до сих пор, когда стороны уклонялись от получения повесток о назначенных заседаниях. С той минуты, когда за оскорбление суда перестали давать штраф — который был меньше ресторанного счета за обед, где праздновали успешное прерывание судебных слушаний, — а стали отправлять в тюрьму, прекратились практиковавшиеся годами ухищрения, эффективно оттягивавшие принятие решения. Судья, кроме того, смог наконец сам подбирать себе сотрудников и перестал работать у себя секретаршей.

Разделение судов на суды малых и крупных дел привело к тому, что с этого момента один судья мог сделать больше, чем до сих пор целый отдел. Он просто включал диктофон и выслушивал обе стороны, после чего без проволочек разрешал спор.

С этого момента прекратились случаи неплатежа по фактурам, так как всем было известно: теперь уже нельзя рассчитывать, что суд в самом худшем случае вынесет приговор где-то через несколько лет. Как по мановению волшебной палочки, эффективность действий судебной системы вынудила поменять ту правительственную администрацию, которая неформально взяла в свои руки власть в Польше после падения правительства Миллера.

Дерегулирование бюрократии

Администрация перестала быть структурой, не подлежащей контролю. Если какой-то вопрос не решался в установленный законом срок, то и предприниматель, и обыкновенный гражданин были готовы немедленно и без колебаний воспользоваться правом на обращение в суд. Несколько показательных приговоров, а также ставшие их следствием увольнения и отставки чиновников принципиальным образом изменили «организационную культуру» бюрократии.

Вдобавок она уже не располагала таким объемом власти над нашей жизнью, как это было до сих пор. Проведенное дерегулирование отобрало у бюрократии подавляющее большинство компетенций в пользу восстановленной экономической свободы. Организация экономического сотрудничества и развития, составляя в 2011 г. доклад о дерегулировании, глубоко ошиблась по поводу положительных последствий этого процесса для Польши. После ликвидации вредных и абсурдных правил, а также отнимающих массу времени процедур не стало причин для функционирования серой зоны. Благодаря этому экономический рост достиг двухзначных чисел. Один раз так уже было — в 90-е годы, во времена первого экономического чуда. Польша официально имела тогда примерно семипроцентный рост, а вместе с достижениями серой зоны (результаты которой не суммировались) мы спокойно получили в масштабах года двухзначное число роста.

Восстановили и еще сильнее либерализовали так называемую конституцию польской предприимчивости и первого экономического чуда — закон Вильчека. Снова фундаментом любой деятельности (не только хозяйственно-экономической) сделался закон, гласивший: разрешено всё, что не запрещено.

Революция в налоговой сфере

Изменили и вредящую польской экономике налоговую систему. Времена так называемых индивидуальных налоговых интерпретаций, которые уже давно не защищали предпринимателей, закончились, словно дурной сон. Судьи, почувствовавшие, что уже перестали быть вооруженной рукой правительственного аппарата, еще до изменения налоговой системы начали разрешать споры, как правило, в пользу предпринимателей. Польское правительство пошло по стопам ирландского, которое после кризиса в 2008 г. не поддавалось нажиму канцлера Германии и президента Франции вкупе с различными международными финансовыми учреждениями, и так же, как оно, снизило налоги, вместе с тем радикально упростив их. Результаты превзошли те, которых достигла сама Ирландия. Они стали окончательным ударом для горячих сторонников налоговой гармонизации.

Уже в первом году этого изменения у польского бюджета оказался беспрецедентный профицит. Большинство налогов носило стабильный характер, не зависящий от дохода. Они гарантировали 100% поступлений по этой статье. Было достаточно умножить количество субъектов на величину фиксированного налога — и бюджет уже имел

гарантированные миллиарды. Крупные корпорации начали наконец платить налог, пропорциональный масштабу проводимой ими деятельности. Оказалось достаточным изменить конструкцию полностью неэффективного в их случае налога CIT («на прибыль корпорации»). Вместо номинальных десяти с лишним процентов хватило одного процента, но без всяких т.н. издержек собирания. Они уже давно приводили к тому, что эффективность CIT была на уровне около 0,2% по отношению к экономическому обороту, который показывали фирмы.

Как раз этот один процент и стал главной причиной появления бюджетного профицита. Корпорациям вместо того, чтобы платить со своих миллиардных поступлений налог CIT в существовавшем до сих пор виде, который заставлял их бухгалтеров и правления хохотать до упаду, пришлось платить реальную долю от них. Один процент от 10 миллиардов дает «только» 100 миллионов реального налога. Разумеется, была ликвидирована также вся так называемая PITология, и налоговые органы освободились от более чем полутора десятков миллионов ежегодных деклараций, представляемых гражданами.

Постскриптум

Такова возможная версия будущего. Не удастся построить благополучие Польши на инвестициях за одолженные деньги и при все сильнее давящем государственном долге. Богатство страны, а прежде всего ее граждан берется исключительно из их труда. Достаточно только разблокировать людей. Дeregулирование, изменения в правосудии, а также исправление вредной налоговой системы дадут несравненно больший цивилизационный рывок, чем все полученные и одолженные к этому моменту миллиарды. Поляки уже один раз переживали такой вариант развития, когда тренировали его в десятилетия 70-х годов. Нам до сих пор приходится платить по тем счетам. У тех, кто правит страной, есть выбор. Только бы во время надвигающегося краха они стали на сторону общества и наконец-то поверили в силу его предприимчивости.

«СОЛИДАРНОСТЬ» ПЕРЕД ЛИЦОМ ТОТАЛИТАРИЗМА

«Солидарность» — это прежде всего августовские соглашения, подписанные бастующими и правительством. Шел август 1980 года. Момент подписания — это время, которое активизировало задушенную в гражданах авторитарной властью волю к действию. Наконец-то мы могли самостоятельно, в соответствии с собственными идеями, как умели, на собственные деньги организовывать свободные профсоюзы. Вот очень важная для меня констатация.

Из забастовки мы вышли прежде всего с заданием для себя самих. В результате соглашений каждый гражданин мог в меру своих возможностей и устремлений организовать свободный профсоюз у себя на работе, в своей профессиональной среде, в своем регионе. Каждый, в меру своих возможностей и воли к действию, создавал свою организацию не только для защиты своих прав, но и для реформирования государства в той сфере, которую он представлял. Таким образом, создание свободного профсоюза превратилось в формирование общественного движения ради проведения демократических и рыночных реформ во всем государстве. Это стало источником нашего удовлетворения, это задание делало нас гордыми и свободными гражданами, хотя авторитарная система по-прежнему существовала. Мы были свободными не потому, что такими нас делал конституционный закон. Конституция по-прежнему отстаивала правовые нормы авторитарного государства. Мы были свободными, ибо могли заниматься судьбой своей страны.

Забастовка и августовские соглашения стали одновременно новыми — в польских традициях новыми — методами борьбы с произволом и насилием, как чужим, так и собственной власти. Польской традицией были вооруженные восстания. И в 70-е годы хватало людей, готовых использовать против аппарата власти скорее оружие и взрывчатку, чем забастовку. Я сам, проходя службу в воздушно-десантных войсках, научился ставить мины и мины-ловушки, освоил взрывчатые вещества и взрыватели, стрелял из любого вида оружия. Так что же привело к тому, что мы избрали ненасильственный путь борьбы? Во-первых, Европа вдохновила нас идеей прав

человека. Хельсинкское соглашение стало для нас не только идеей, побуждающей к действию, но и инструментом борьбы за свои права. Однако это не произошло само собой, автоматически.

К таким, как я, электрик на предприятии, понимание идеи прав человека, идеи борьбы без насилия, пришло благодаря организованной группе интеллигенции. В Польше это был Комитет защиты рабочих, в Чехословакии — «Хартия-77», в тогдашней советской России это были комитеты и группы защиты прав человека с таким великим для нас всех, во всех странах, человеком и авторитетом, как Андрей Сахаров. Самой простой и привлекательной была мысль о борьбе путем вооруженных акций, но такие люди, как я, поняли, что есть альтернатива. Андрей Сахаров, Яцек Куронь, Вацлав Гавел, Адам Михник своими выступлениями, эссе, собственной позицией указали мне путь более трудный, более долгий, но и более эффективный, ибо тоталитаризму, авторитаризму они противопоставили не силу, а гуманизм. Они помогли понять, что значит быть самостоятельной личностью в общественной жизни, каким образом благодаря становлению личности осуществляется потребность в собственном достоинстве. Итак, благодаря их словам и делам эта потребность стала целью и одновременно инструментом нашей революции «Солидарности».

Не только нашей. Потребность в собственном достоинстве была движущей силой «оранжевой революции» на Украине, «революции роз» в Грузии, она вывела людей на площадь Тяньаньмэнь в Пекине. И мы видим, как велика потребность в собственном достоинстве, видим, что если указать на него и умело о нем говорить, то можно собрать и организовать миллионы граждан независимо от страны, континента, религии. Потребность эта — мощная сила демократических изменений, преобразования авторитарных режимов в направлении формирования таких правительств, которые опираются на граждан как на субъектов истории. Однако эта цель не достигается сама собой. Оказывается, об этом легко говорить. Тем самым в граждан легко вселяется надежда, легко становится собирать их на забастовки, выводить на площади, на демонстрации. К сожалению, не всегда этот путь ведет к мирным революциям. Та же потребность в достоинстве может вывести нас на путь террора. Мой опыт говорит о том, что очень велика роль тех людей, тех мыслителей, тех духовных и религиозных лидеров, которых мы встречаем на своем пути.

Мне повезло. Путь, который прошел я, наглядно демонстрирует роль интеллигенции в процессах общественных и политических перемен. В этом контексте я вижу и ценю роль университета. Высоко оценивая эту роль, я одновременно выдвигаю перед университетом как учреждением, формирующим европейскую элиту, новую задачу. Присмотримся к успехам и поражениям реформаторских правительств. Разочарование, даже обвинение в предательстве и нежелание поддерживать таких людей, как Лех Валенса, Тадеуш Мазовецкий в Польше, Виктор Ющенко на Украине, Михаил Саакашвили в Грузии, имеет свои причины. Если в граждан вселили надежду на достойную жизнь, если им было обещано, что каждый гражданин станет субъектом в своей стране, то надо уметь это обещание выполнять, когда становишься президентом, премьер-министром, министром.

Однако очень трудно ответить на вопрос, каким образом потребность в обретении достоинства удовлетворяется с помощью конкретных механизмов управления государством, управления его администрацией. До тех пор, пока мы не сможем ясно и определенно ответить на этот вопрос, мы не сможем дать рекомендаций руководителям победоносных революций, посоветовать, **что и как** они должны сделать, становясь президентами, премьерами или министрами. Не обладая знаниями и умением вводить необходимые механизмы правления там, где государство состоит из субъектов, а не объектов, они будут подобно своим свергнутым предшественникам приказывать, запрещать, преследовать, карать, заключать в тюрьмы. Вместо того чтобы искать причины неудач и делать выводы, они будут искать виновных и выносить приговоры. Очень скоро их начнут воспринимать лишь как одну из разновидностей — может быть, лишь чуточку улучшенную — их свергнутых противников. Разочарование, не оправдавшиеся надежды на то, что изменится отношение к обществу, основу которого составляют независимые личности, быстро приведут к утрате поддержки. Именно так ее утратили, по моему мнению, Тадеуш Мазовецкий в Польше, Виктор Ющенко на Украине, Михаил Саакашвили в Грузии. В этом же видится и источник проблем с модернизацией в Ираке, Иране, Афганистане или в странах Африки.

Мы можем это изменить. Мы можем изучить судьбы европейских революций, механизмы пробуждения надежд и механизмы разочарования, которое они принесли. Такое знание включает в себе как достижения европейской культуры, так и ключ к интеллектуальной задаче, которой становится демократическая модернизация в условиях

свободного рынка. И здесь я делаю особый упор: демократическая модернизация в условиях свободного рынка — это интеллектуальная задача. Если мир интеллекта не знает, какие механизмы необходимо использовать, чтобы управлять гражданами, ставшими самостоятельными личностями, как внедрять их в практику государственного правления и административного управления, то тем более этого не знают президент, премьер или парламентарий после свершившейся революции — революции «Солидарности» или «оранжевой революции». Этими знаниями и этим умением обладает Европа. Немцы и итальянцы после Второй Мировой войны шагнули от тоталитаризма к демократии и свободному рынку. Другие страны сумели отказаться от колониальной политики. Именно поэтому мы хотели стать ее частью. Именно поэтому границы Европы штурмуют беженцы из разных уголков мира. Просто здесь они видят шанс стать субъектами, а не объектами. И если мы как следует разберемся в проблемах трансформации, то я уверен, что наша европейская теория познания и наши технологии будут более востребованы в Ираке, Афганистане, Тунисе и Ливии, чем вмешательство наших дивизий.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• Из программной речи премьер-министра Дональда Туска, произнесенной в Сейме 18 ноября: пенсионный возраст будет постепенно увеличиваться и станет одинаковым для мужчин и женщин — 67 лет (сегодня для женщин он составляет 60 лет, для мужчин — 65); будут отменены пенсионные привилегии для военных, полицейских, пограничников, таможенников, пожарных, шахтеров, прокуроров, судей и священников при одновременном увеличении зарплаты полицейских и солдат; система валоризации пенсий будет изменена с процентной на суммарную; всеобщее страхование будет распространено на крестьян, чье хозяйство превышает 6 га; крестьяне будут платить подоходный налог; налоги на добычу меди, серебра и (в будущем) сланцевого газа будут повышены; представители творческих профессий, зарабатывающие более 85 тыс. злотых в год, потеряют возможность вычета 50% из подлежащего налогообложению дохода по статье затрат; будут ограничены льготы на детей для наиболее обеспеченных граждан: пособие по рождению ребенка получают лишь семьи, чей доход не превышает 85 тыс. злотых; будут упразднены налоговые льготы на интернет; на 2% увеличится пенсионный взнос работодателя; подоходный налог будет распространен на все банковские вклады.

• «Программная речь премьера была встречена овациями, ставшими наградой за смелость (...) Премьер требует жертв от всех (...) Реформы носят фундаментальный характер. Мы их ждали, но в то же время сознательно опасались. Этот страх необоснован (...) Аргументом может послужить статистика. За четыре года правления «Гражданской платформы» (ГП) Польша добилась роста ВВП на 15%, следующая после нас Словакия — на 8%. Среднестатистический рост в ЕС составил 0,5%! Эти данные доказывают, что Туск умеет управлять», — Януш Ролицкий. («Факт», 19–20 ноября)

• «Ярослав Качинский удивил всех, аплодируя после выступления премьера. Признал ли он заслуги политического противника или просто забылся?» («Супер-экспресс», 19–20 ноября)

• Тадеуш Мазовецкий: «Нам была представлена концепция, как сохранить и обеспечить равномерное развитие Польши. Стабильность бюджета — это основа. Правительство должно обеспечить условия для социального развития. Остальное сделает свободное общество. Я хотел бы обратить внимание на то, что программная речь премьера была созвучна последнему выступлению президента в Сейме (...) Я опасаюсь естественного сопротивления администрации, торможения вместо необходимых решительных шагов». («Впрост», 21–27 ноября)

• Проф. Станислав Гомулка: «Именно этого мы и добивались — мы, т.е. экономисты, объединения предпринимателей. Пенсионной реформы, уменьшения бюрократии, большей эффективности судов — всего, что прозвучало в программной речи премьера (...) Оказывается, у экономического кризиса в Европе есть и положительные последствия». («Впрост, 21–27 ноября»)

• Проф. Лешек Бальцерович: «Надеюсь, что правительство пойдет дальше, чем это было представлено в программной речи. Премьер, например, ничего не сказал об улучшении условий предпринимательской деятельности или о снижении политизации экономики путем ускорения ее приватизации (...) Нельзя сводить изменения в экономической политике к вопросу внешнего кризиса. Даже если бы этой угрозы не было, экономику всё равно нужно реформировать». («Газета wyborча», 5 дек.)

• «Теперь важной задачей будет претворение этих реформ в жизнь. Ключевую роль сыграют СМИ, поскольку без их поддержки изменения будет трудно реализовать. В этом контексте я размышляю об отмене налоговых льгот — интересно, станут ли влиятельные журналисты, которых она коснется, нападать на премьера или поймут, что все зажиточные граждане должны сброситься и поддержать изменения?» — Кшиштоф Рыбинский. («Факт», 19–20 ноября)

• «Истинная цель, сформулированная в выступлении Дональда Туска, — вступление Польши в зону евро (...) Мы будем частью большой Германии или «Миттель-Европы», ведь именно в этом направлении идет сегодня ЕС. План «Гражданской платформы», поддержанный Движением Паликота и Союзом демократических левых сил — не что иное, как отказ от польского суверенитета», — Антоний Мацеревич, депутат от «Права и справедливости». («Газета польская», 21 ноября)

• «Коалиционное правительство ГП и крестьянской партии ПСЛ поддержали 234 депутата. Чтобы получить вотум доверия,

правительству требовалось в субботу по меньшей мере 224 голоса поддержки, т.е. кабинет был утвержден с перевесом в 10 голосов. Против вотума доверия проголосовали 211 депутатов, двое воздержались. Кабинет Дональда Туска поддержали депутаты правящей коалиции, а также депутат от немецкого меньшинства». («Наш дзенник», 21 ноября)

• «“Евросоюз стоит перед дилеммой, типичной для федерации: более глубокая интеграция или распад”, — убеждал министр иностранных дел Радослав Сикорский на форуме Немецкого общества внешней политики в Берлине. Для углубления интеграции следовало бы передать большую часть полномочий Еврокомиссии, чтобы она играла роль финансового надзирателя (...) В ведении стран-членов остались бы вопросы, касающиеся национального облика, культуры, религии, стиля жизни, нравственности, а также размера налогов (...) По мнению министра Сикорского, распад еврозоны был бы самой большой опасностью для безопасности и благосостояния Польши. Единственная страна, которая может это предотвратить, — Германия. «Вы прекрасно знаете, что никто другой не в состоянии этого сделать (...) Я меньше опасюсь силы Германии, чем ее бездействия», — сказал Сикорский, обращаясь к немецкому министру иностранных дел Гидо Вестервелле». («Жечпосполита», 29 ноября)

• «Польский министр обращался к немецкой аудитории, словно политический тяжеловес, выдвигая серьезные идеи и требования, — какая метаморфоза по сравнению с временами, когда на Польшу смотрели как на бедного потребителя западной помощи», — по материалам газеты «Экономист». («Форум», 5 ноября — 12 дек.)

• «Голос Радослава Сикорского прозвучал сильно и был услышан не только благодаря его резкости, но и благодаря репутации страны, которую считают шансом, а не проблемой ЕС (...) Была в этом выступлении и солидная порция польского самохвальства, вполне соответствующая сегодняшнему образу Польши», — Януш Левандовский, комиссар ЕС по вопросам бюджета. («Газета wyborcza», 30 ноября)

• «В берлинском выступлении Радослав Сикорский поставил важнейшие для польской политики вопросы: 1) чего мы хотим от Европы? 2) каким мы видим свое место в структуре, которая возникнет на руинах ЕС? 3) поддерживаем ли мы Германию, европейского лидера, в споре о будущем ЕС?» («Тыгодник повсехный», 11 дек.)

- «Одобрённое за границей выступление обернулось политическим адом в Польше: ПиС и «Солидарная Польша» (раскольники из партии Ярослава Качинского, объединившиеся вокруг Збигнева Зёбро) требовали отдать «лишающего Польшу суверенности» министра под Государственный трибунал, а депутат Адам Гофман сказал, что в свете концепции Сикорского поляки должны, как индейцы, жить в резервациях». («Тыгодник повшехный», 11 дек.)

- «Быстрое изменение европейского договора, усиливающее фискальную дисциплину в ЕС, предложил вчера премьер-министр Дональд Туск. Он хочет также изменить роль Европейского центробанка. Таковы предложения польского председательства к запланированному на следующую неделю саммиту в Брюсселе (...) Вчера Туск разговаривал с Ангелой Меркель». («Дзенник — Газета правна», 2-4 дек.)

- «Вчера Конституционная комиссия Европарламента проголосовала за кодекс поведения евродепутатов. Проект подготовила специальная группа, возглавляемая председателем Европарламента Ежи Бузеком (...) Евродепутаты должны будут отчитываться обо всех доходах и их источниках, а также воздерживаться от оплачиваемой работы в пользу фирм и учреждений, чьи интересы связаны с областью парламентской деятельности депутата (...). Кодекс предусматривает также обязанность уведомлять обо всех подарках стоимостью более 150 евро (...) За проект будут голосовать на пленарном заседании в декабре, а в действие он должен вступить 1 января 2012 года», — из Брюсселя Анна Слоевская. («Жечпосполита», 18 ноября)

- «Европарламент принял кодекс поведения депутатов (...) Для его нарушителей предусмотрены денежные санкции и выговоры. Автор идеи кодекса — председатель Европарламента Ежи Бузек». («Жечпосполита», 2 дек.)

- «Судьи Конституционного суда постановили, что они имеют право контролировать предписания ЕС в аспекте их согласованности с польским основным законом, если те регулируют вопросы прав человека и гражданских свобод». («Тыгодник повшехный», 27 ноября)

- «“Я размышляю, как выглядели бы современная Польша, Европа и мир без президента Рейгана. Это невообразимо”, — сказал Лех Валенса, после чего открыл памятник Рональду Рейгану на Уяздовских аллеях в Варшаве. «Только в Польше находилось тогда более 200 тыс. советских солдат, в Европе — больше миллиона. Казалось, что без атомной войны какие бы то

ни было изменения невозможны. И все-таки они произошли (...)», — говорил Валенса перед открытием памятника (...) Фонд им. Рональда Рейгана, возглавляемый спортивным деятелем Янушем К. Доросевичем, собрал на сооружение памятника 500 тыс. злотых», — Тадеуш Ужиковский. («Газета wyborча», 22 ноября)

- «В 2010 г. о предоставлении статуса беженца ходатайствовали в Польше 6,5 тыс. человек. Получили его только 80. Еще четыремстам разрешили остаться на других основаниях. Подавляющее большинство ищущих убежища — граждане Российской Федерации, по национальности чеченцы. Польша приняла также беженцев из Ирака, Афганистана, Сомали. Управление по делам иностранцев в прошлом году потратило на помощь беженцам почти 58 млн. злотых (на 29% меньше, чем год назад). Более 100 тыс. иностранцев имеют вид на жительство (...) Неизвестно, сколько в Польше нелегальных иммигрантов. По разным подсчетам, их может быть от 50 тысяч до полумиллиона. Большинство приехало с Украины, из России и Белоруссии в поисках работы и нелегально продлевает свое пребывание». («Жечпосполита», 2 дек.)

- Со 2 января по 2 июля 2012 г. нелегальные иммигранты могут подавать в отделы по делам иностранцев воеводских управ прошения об амнистии. «Благодаря амнистии нелегальные иммигранты получают вид на жительство в Польше на два года. Они будут легально работать, но не смогут зарегистрироваться как безработные. Чтобы воспользоваться амнистией, нужно непрерывно пребывать в Польше по меньшей мере с 20 декабря 2007 года. На легализацию могут рассчитывать также те, кто нелегально находится в Польше как минимум с 1 января 2010 г. и получил отказ в политическом убежище, содержащий требование покинуть страну. Отказать в разрешении на легальное проживание могут лицам, внесенным в Шенгенскую информационную систему с запретом въезда, числящимся в списке персон нон грата в Польше или предоставляющим ложную информацию либо поддельные документы». («Газета wyborча», 29 ноября)

- «В третьем квартале через внешнюю границу ЕС в нашу страну прибыло 5,2 млн. иностранцев. Это на 9,8% больше, чем за тот же период прошлого года (...) По некоторым подсчетам, с июля до конца сентября граждане восточных соседей Польши потратили у нас более 1,4 млрд. злотых — почти на 28% больше, чем год назад (...) «Иностранцы с востока делают покупки в Польше, потому что у нас товары более доступны, а выбор шире. Кроме того, часто польские товары лучше по качеству и более

привлекательны по цене», — говорит Петр Буюк, главный экономист «Нордеа-банка — Польша». («Дзенник — Газета правна», 28 ноября)

- «За последние четыре кризисных года Польша быстрее всех стран нашего региона догоняла богатые страны ЕС (...) В 2007 г. уровень ВВП на душу населения в Польше после учета паритета покупательной способности (т.е. разницы в уровне цен) был ниже 50% от среднего показателя по странам старого ЕС. В 2011 г. этот показатель достигнет 58%». («Газета выбора», 17 ноября)

- «По данным Главного статистического управления (ГСУ), рост ВВП в третьем квартале составил 4,2% (во втором — 4,3%) (...) Экономистов удивили инвестиции фирм. В третьем квартале валовые расходы предприятий на основные фонды выросли по сравнению с предыдущим годом на 8,5% и были намного больше, чем прежде. В связи с этим инвестиционный спрос повысил ВВП на 1,6%, т.е. на 0,4% по сравнению с предыдущим кварталом (...) Основным фактором роста ВВП в третьем квартале был внутренний спрос. За год он вырос на 3,2%. Это меньше, чем во втором квартале, когда рост спроса составил 4,3% (...) Экономисты не сомневаются, что отрицательные факторы, которые уже сказались в третьем квартале, будут усиливаться. В четвертом квартале рост ВВП замедлится до 3,5–3,9%. В следующих уровень замедления будет зависеть от ситуации в зоне евро», — Беата Томашкевич. («Дзенник — Газета правна», 1 дек.)

- «Несмотря на трудные времена, фирмы продолжают принимать на работу. Никогда еще, начиная с 1990 г., не было занято столько поляков (...) В третьем квартале этого года число занятых составило 16,284 млн. человек, — сообщило ГСУ. Это на 160 тыс. человек больше, чем в предыдущем квартале, и почти на 300 тыс. больше, чем в очень удачном для нашей экономики 2008 году». («Жечпосполита», 1 дек.)

- «Несмотря на тревожные сигналы об экономической ситуации, в третьем квартале этого года, по данным ГСУ, был поставлен рекорд по постоянной работе. За последние четыре года более чем на 700 тысяч человек выросло число поляков, подписавших договор на неопределенный срок, — так работают 9,13 млн. человек. Число временных договоров выросло только на 63 тысячи (до 4,46 млн.)». («Дзенник — Газета правна», 6 дек.)

- «Правительство возлагает новые обязанности на органы самоуправления, а те повышают занятость. В будущем году

число работающих в них чиновников составит почти 275 тысяч. Каждый год их прибывает в среднем на 10 тысяч. Вместе с ростом уровня занятости растут и зарплаты. В 2010 г. — на 7% (...) С 2006 до ноября 2011 г. число штатных сотрудников выросло в среднем на 35% (...) Пять лет назад (по данным ГСУ) в органах самоуправления работало 206 тыс. человек, в 2010 г. — почти на 50 тысяч больше». («Дзенник — Газета правна», 17 ноября)

- «В ноябре впервые за три месяца выросла безработица. По подсчетам министерства труда и социальной политики, в центрах занятости во всей Польше было зарегистрировано 1,916 млн. человек, т.е. на 48,1 тыс. больше, чем в октябре. Это означает, что уровень безработицы, который в последние месяцы составлял 11,8%, вырос до 12,1%». («Дзенник — Газета правна», 8 дек.)

- «Поляки создали в Германии уже около 100 тыс. фирм (...) — в три раза больше, чем турки». («Дзенник — Газета правна», 16 ноября)

- «Электростанция Белхатов заняла первое место среди 600 самых вредных для экологии европейских промышленных предприятий, — сообщило Европейское агентство по окружающей среде. В первой двадцатке оказались также электростанции Туров и Козенице. Всего в списке 50 фирм из Польши. Наша страна занимает второе место в этом рейтинге (...) Нас опережает только Германия». («Дзенник — Газета правна», 25-27 ноября)

- «За год поисков сланцевого газа в Польше пробурено 14 скважин. Ни одна из них не дала прямого ответа на вопрос, достаточно ли много там полезного ископаемого, чтобы разработка окупилась». («Дзенник — Газета выборча», 24 ноября)

- «До 300 варшавян в год умирают от болезней легких, вызванных загрязнением воздуха (...) После суток использования фильтр воздуха на измерительной станции на аллее Неподлеглости [где расположена наша варшавская редакция] был совсем черным. Так выглядят наши легкие». («Жечпосполита», 17 ноября)

- «Ареал европейского хомяка в Польше катастрофически уменьшился — на 75% по сравнению с 70 ми гг. XX века. Сегодня хомяки встречаются в нескольких местах на Люблинской возвышенности и на Расточье, а также на Малопольской возвышенности (...) Если мы не сделаем ничего,

чтобы сохранить их, через 20–30 лет они в нашей стране вымрут (...) Крестьяне ставили ловушки на хомяков у нор, заливали их убежища водой или пускали в подземные коридоры выхлопные газы, а также натаскивали собак, чтобы те откапывали и загрызали хомяков (...) В Польше европейский хомяк находится под охраной, но нет программ, которые помогли бы ему выжить», — Иоанна Борковская («Газета wyborcza», 29 ноября)

• «Более чем стокилометровый участок автострады А2 до Свецка может претендовать на звание самой экологической инфраструктурной инвестиции в Евросоюзе. На охрану окружающей среды было потрачено 25% ее бюджета, т.е. 1,3 млрд. злотых. Дело в том, что 85% трассы, соединяющей Польшу с Западной Европой, проходит по лесистой местности, часть которой охраняется программой «Натура-2000» (...) Залогом успеха оказалось тесное сотрудничество с экологическими организациями начиная с самых ранних этапов инвестиции (...) Самым дорогостоящим оказалось создание почти 200 переходов для животных, размещенных через каждые 700 м. Для крупных животных было построено 35 безаварийных перекрестков, каждый из которых стоит около 20 млн. злотых (...) Ширина самого большого перехода для зверей, размещенного непосредственно над трассой, — 60 м. Помимо переходов очень дорогостоящим оказалось сооружение 20 км акустических экранов (...). Владелец концессии обязан продолжать программу охраны природы даже по окончании строительных работ», — Мацей Щепанюк. («Дзенник — Газета правна, 30 ноября»)

• «Российская Федерация согласилась, чтобы самолеты польских авиакомпаний ЛОТ летали над Сибирью (...) В 2012 г. компания хочет возобновить рейсы в Пекин (...) ЛОТ получил удобные часы стартов и посадок в Москве». («Дзенник — Газета правна», 17 ноября)

• «Чиновники Комиссии финансового надзора прошли курс контрразведки. Особое внимание было уделено деятельности российских спецслужб. «Мы располагаем информацией, что эти спецслужбы участвуют в попытках взять под контроль польский банковский сектор», — говорит высокопоставленный офицер Агентства внутренней безопасности (...) «Еще когда я руководил Управлением охраны государства, российские агенты многократно пытались проникнуть в польскую банковскую систему (...)», — утверждает генерал Громослав Чемпинский, который в 1993–1996 гг. был начальником УОГ». («Жечпосполита», 14 ноября)

- «Вчера в Москве встретились главы генштабов Польши и России — генерал Мечислав Ценюх и первый замминистра обороны, начальник Генерального штаба ВС России Николай Макаров (...) «Нам известно, что Польша уже размещает на своей территории антиракеты «Стандард» и системы «Пэтриот» (...)», — сказал Макаров, добавив, что Россия «вынуждена предпринять адекватные действия, симметрично отвечающие на потенциальные угрозы (...)». Макаров отметил, что “мы обязаны жить в дружбе и взаимопонимании”». («Газета польска», 7 дек)

- «Прошедшая в среду первая польско-российская дискуссия, инициатором которой выступил недавно созданный Центр диалога и согласия Польши и России, позволила полякам по-новому увидеть себя в зеркале сталинизма (...) Несколько лет назад Союз сибиряков [поляков, вывезенных в советские лагеря и спецпоселения] принял документ, в котором число вывезенных во время Второй Мировой войны на восток поляков оценивалось в 1,35 млн. человек (...) Польские и российские историки сходятся во мнении, что их было намного меньше — возможно, на целый миллион (...) Число всех поляков, репрессированных в СССР в период Второй Мировой войны, составляет около миллиона», — Мартин Войцеховский. («Газета выборча», 17 ноября)

- В конце ноября Славомир Дембский представил в Брюсселе отчет о европейско-российских отношениях, подготовленный при поддержке Польско-российской группы по трудным вопросам, а также польско-российских Центров диалога и согласия. Это первый такого рода документ, созданный совместно поляками и россиянами, хотя он затрагивает проблемы, важные и для французов, немцев, испанцев или итальянцев. «Как для Польши ключом к позиции в Европе были отношения с Германией, так для России ключом в Европу могут стать отношения с Польшей», — сказал Славомир Дембский. («Газета выборча», 6 дек.)

- «Встреча президентов Польши и Германии Бронислава Коморовского и Кристиана Вульфа во Вроцлаве началась с возложения цветов к памятнику львовским профессорам, расстрелянным немцами в 1941 году». («Газета выборча», 16 ноября)

- «Визит президента Бронислава Коморовского на Украину был запланирован так, чтобы не закончиться фиаско. Его главным событием стала закладка краеугольного камня под польское кладбище в Быковне, где похоронены около 100 тыс. жертв советского террора, в т.ч. 2,5 тыс. польских офицеров (...)

Коморовский и Янукович подчеркнули, что хотят строить добрососедские отношения, опирающиеся на правду (...) Предшественник Януковича Виктор Ющенко шокировал поляков, присвоив звание Героя Украины Степану Бандере — лидеру националистов, ответственных за резню поляков на Волыни», — Татьяна Серветник, Войцех Лоренц. («Жечпосполита», 29 ноября)

- «Политические переговоры были далеки от духа взаимопонимания: президент Польши предостерег украинского лидера, что арест бывшего премьер-министра Юлии Тимошенко блокировал сближение Киева с ЕС». («Тыгодник повшехный», 11 дек.)

- «Вечером президент Коморовский встретился с Александром Турчиновым, бывшим вице-премьером и заместителем Юлии Тимошенко в ее партии “Батькивщина”», — Вацлав Радзивинич. («Газета wyborcza», 29 ноября)

- Двухязычные польско-литовские указатели и информационные таблички в гмине Пунск вернулись на свои места. Знаки были уничтожены в конце августа. Неизвестные замазали белой и красной краской литовские надписи в полутора десятках населенных пунктов в гмине, где из четырех с лишним тысяч жителей около 80% составляют литовцы. («Жечпосполита», 30 ноября)

- «Во Вроцлаве свое 30-летие отпраздновала [националистическая партия] «Национальное возрождение Польши». Среди приглашенных гостей были, в частности, осужденный когда-то за террористическую деятельность Роберто Фиоре и бывший шеф Ку-клукс-клана Дэвид Дьюк». («Газета wyborcza», 16 ноября)

- «Нападение неонацистов в Люблине. В очередной раз Томаш Петрасевич, директор центра, занимающегося документацией еврейского наследия города, нашел муляж бомбы (...) В конце прошлого года в его квартиру забросили кирпич с прикрепленной к нему петардой, которая взорвалась. Вторым кирпич влетел в соседнее окно». («Газета wyborcza», 16 ноября)

- «Коричневая книга Мартина Корнака — (...) «это календарь событий расистского и ксенофобского характера, а также преступлений неонацистов и крайне правых в 2009–2011 годах. Она стала продолжением Коричневой книги, охватывающей 1987–2009 гг., материал для которой был собран в результате мониторинга подобных инцидентов. Этим занимается

руководимый автором журнал «Нигды венцей» («Никогда больше»)). («Нове ксёнжки», ноябрь 2011)

- «Число жертв охоты на евреев (в 1942–1945 гг.), в которых поляки выступали в роли убийц или доносчиков, составляет по меньшей мере 120 тысяч, — утверждают ученые из Центра изучения Катастрофы еврейского народа [при Институте философии и социологии ПАН]». («Тыгодник повшехный», 20 ноября)

- «29 ноября умерла Антонина Выжиковская из Едвабне, праведница мира. Вместе с мужем Александром она два с половиной года прятала под хлебом семерых евреев, спасенных от погрома 10 июля 1941 г., когда польские жители городка истребили почти всех своих еврейских соседей (...) Сразу же после изгнания немцев, когда обнаружилось, что у Выжиковских прячутся евреи, местные партизаны хотели их убить (...) Скрываясь от преследователей, Выжиковские несколько раз меняли место жительства (...) Я пыталась уговорить школу в Едвабне пригласить Выжиковскую, чтобы (как я пыталась объяснить) дети могли испытать гордость за то, что в их городке жила столь выдающаяся женщина. Но в ответ услышала, что должно пройти еще несколько поколений, прежде чем это будет возможно», — Анна Биконт. («Газета выборча», 1 дек.)

- «Вчера в Брюсселе Анна Биконт получила премию «Европейская книга» за репортаж «Мы из Едвабне», французский перевод которого («Le Crime et le Silence: Jedwabne 1941») был опубликован в прошлом году, а английский выйдет в ближайшее время (...) European Book Prize — это премия Европарламента за книгу, пропагандирующую европейские ценности». («Газета выборча», 8 дек.)

- «“Это дань заслугам выдающегося человека, чья деятельность направлена на сближение государств и обществ Польши и Израиля”, — сказал проф. Мартин Куля на вчерашних торжествах в честь присвоения проф. Шеваху Вейсу степени почетного доктора Варшавского университета (...) Вейс родился в 1935 г. в польском городе Бориславе (ныне Украина). Во время войны скрывался с семьей у украинцев и поляков. После войны (...) был преподавателем, журналистом, председателем Кнессета, а в 2000–2003 гг. — послом Израиля в Польше». («Газета выборча», 1 дек.)

- «В Польше видели, что делают с евреями нацисты, и в целом общество мирилось с этим. Доказательство — послевоенные погромы, враждебность и нападки на возвращающихся в

родные края выживших евреев. Польское общество приняло Катастрофу и ее последствия, более того — оно было полно решимости защищать то, что благодаря ей захватило (...) О. Войцех Леманский — настоятель прихода в Ясенице в Мазовии (...) На вопрос, могут ли евреи без опаски возвращаться в Польшу, он отвечает: «В Варшаву, Краков или Лодзь — да. Но в Радзымин — не советую. В Кобылку, Воломин и Тлуц тоже лучше не возвращаться», — Эльжбета Яницкая, преподаватель Collegium Civitas, Томаш Жуковский, сотрудник Института литературных исследований ПАН. («Газета wyborcza», 29–30 окт.)

• «В начале ноября о. Павел Наумович, провинциальный настоятель конгрегации мариан, наложил на своего подчиненного, некогда генерала всего ордена, запрет на выступления в СМИ (...) Под петицией в защиту о. Адама Бонецкого собрано уже почти 10 тыс. подписей (...) Популярны стали наклейки с изображением священника и надписью «У отца Бонецкого есть голос (в моем доме)». Люди наклеивают их на двери домов, на автомобили (...) О. Мацей Бискуп, доминиканец из Познани, главный редактор издательства «В дрозде» («В пути») вопрошает: «В чем заключается радикализм свящ. Бонецкого, когда он ставит вопрос о смысле вешать распятие в Сейме, где идет яростная, жестокая политическая игра, где политики меньше всего обращают внимание на любовь к ближнему», — Анна Шульц. («Впрост», 14–20 ноября)

• «Распятие в Сейме — символ, противоречащий обещанной нам модели разделения Церкви и государства (...) Органы, борющиеся в Польше с коррупцией, совершенно пропустили мимо ушей призыв епископа Михалика, чтобы католик голосовал за католика, еврей за еврея, масон за масона и т.д. Был ли в Польше после 1989 г. более явный призыв к клановости и коррупции? Неважно, кто лучше подходит, кто компетентен, кто лучше служит Родине. Голосовать нужно в рамках договоренности (...) Конечно, были протесты. Но никто не отважился довести дело до конца и привлечь епископа к гражданской ответственности (...) Сегодняшнее польское распятие давно перестало быть символом Страстей Господних, милосердия, спасения», — Людвик Стомма. («Политика», 2–7 ноября)

• «Международный совет организации «Transparency International» решил не продлевать аккредитацию своего польского отделения. Это означает, что в Польше отделения TI нет (...) У организации есть отделения более чем в 180 странах. Их деятельность оценивается каждые три года. Результаты

польского отделения оказались негативными. «Выяснилось, что оно слишком слабо и недофинансировано, чтобы представлять ТІ и выполнять миссию в Польше», — осторожно объясняет замдиректора ТІ Миклош Маршалл (...) Отделение ТІ было создано в Польше в 1989 году. В кульминационный период своей деятельности оно насчитывало несколько десятков членов и могло похвастаться известными фамилиями (...) В Польше действуют также другие организации, борющиеся с коррупцией, в частности, Фонд Стефана Батория и «Стоп Коррупции», — Изабелла Кацпшак. («Жечпосполита», 29 ноября)

- «Следователи проверяют финансирование строительства корвета «Гаврон» («Грач»). Проект был начат в 90-е годы и предусматривал постройку семи многофункциональных корветов. До сих пор построен только один». («Жечпосполита», 18 ноября)

- «Бывший начальник Управления охраны государства генерал Громослав Чемпинский задержан Центральным антикоррупционным бюро по обвинению в коррупции при приватизации во времена правительств Союза демократических левых сил (СДЛС) и Избирательной акции «Солидарность». («Тыгодник повшехный», 4 дек.)

- Генерал Громослав Чемпинский, которого в среду и четверг допрашивали в катовицкой прокуратуре, вернулся в свой варшавский дом, заплатив залог в миллион злотых. («Газета wyborча», 26-27 ноября)

- «Я подозреваю, что сегодня коррупции наиболее подвержены нижние эшелоны власти — в поветах, в маленьких городках, где много лет правят одни и те же президенты (мэры) и бурмистры и где годами складываются «договоренности и сети знакомств». Там коррупция наиболее обременительна для граждан (...) При непосредственном контакте человека легче подкупить. Большую часть публичных средств, в т.ч. выделяемых Евросоюзом, распределяют именно органы местного самоуправления. По сравнению с этим возможности депутатов в сущности мизерны, хотя мы то и дело получаем сигналы о кумовстве и блате», — Павел Войтуник, директор Центрального антикоррупционного бюро. («Жепосполита», 17 ноября)

- Согласно опросу TNS ЦИМО от 1-4 декабря, ГП поддерживают 36% поляков, Пис — 19%, Движение Паликота — 10%, крестьянскую партию ПСЛ и СДЛС — по 6%. Затруднились с ответом 18%. («Газета wyborча», 7 дек.)

- «Началась течка, т.е. период спаривания диких кабанов. Животные неистовствуют в городских лесах. Варшавский ПисС всегда критиковал в связи с этим “Гражданскую платформу”». («Газета wyborcza», 22 ноября)
- Согласно опросу ЦИОМа от 4-13 ноября, Брониславу Коморовскому доверяют 75% поляков, Дональду Туску — 54%, Вальдемару Павляку — 51%, Радославу Сикорскому — 49%. Одиннадцатое и двенадцатое места разделили Ярослав Качинский и Януш Паликот (по 28%). («Газета wyborcza», 2 ноября)
- «Согласно опросу TNS ЦИМО, 60% поляков считают, что Бронислав Коморовский хорошо исполняет свои обязанности. Отрицательную оценку президенту поставили 28% опрошенных (...) 45% поляков оценивают премьер-министра Дональда Туска отрицательно, а 44% — положительно. Опрос был проведен в ноябре». («Жечпосполита», 16 ноября)
- «В существующей системе правления премьеры один за другим становятся заложниками интересов политических партий, и даже самые решительные из них бессильны. Это касается и парламентариев — заложников партийного аппарата (...) На самом деле именно от него зависит присутствие этих людей в политической жизни, поскольку там составляются избирательные списки (...) Минимальные необходимые изменения можно свести к следующим пунктам: введение президентской системы с президентом, избираемым всеобщим голосованием, который сам решает, каков будет состав его кабинета (...); введение одномандатных избирательных округов (...) что упростит отбор истинных лидеров и переход лидеров из муниципальных органов в общенациональную политику (...); корректировка законодательного процесса (...) которая не позволит депутатам и сенаторам непосредственно вносить поправки [в правительственные законопроекты]. Они могли бы предлагать поправки, но вносить изменения в качестве автопоправок имело бы право только правительство. Депутаты могли бы принимать (или отклонять) закон целиком (...); отмена финансирования партий из госбюджета», — Цезарий Казьмерчак, Анджей Садовский, эксперты Центра им. Адама Смита. («Жечпосполита», 30 ноября)
- «Мне грустно и, честно говоря, больно, что премьер демократической страны в центре Европы хохотал вместе с Ярославом Качинским, Анной Собецкой, Антонием Мацеревичем и Артуром Гурским. Это был такой общий хохот ГП и ПисС (...) Если бы я не был гомосексуалистом, этого всего не

произошло бы (...) Но поскольку я гомосексуалист, все ассоциируется в одном направлении (...) Это мой путь уже многие годы (...) Я знаю многих смеявшихся надо мной депутатов от ГП и ПиС, которые при личном общении ведут себя иначе (...) Они иначе ведут себя, когда смотрят мне в глаза, и совсем иначе — в зале Сейма (....) Но, к счастью, смеялись не все. Депутаты от СДЛС и Движения Паликота не смеялись. Премьер Лешек Миллер был, я видел, смущен (...) Я первый, но, надеюсь, трудности, через которые я пройду, когда-нибудь позволят другим жить своей жизнью (...) Почему выбор гомосексуалиста в депутаты вызывает такое удивление? На выборах я получил очень сильный мандат — 17 тыс. голосов жителей Поморья (...) Общество изменилось, но политики этот урок терпимости должны еще усвоить», — Роберт Бедронь, депутат от Движения Паликота. («Впрост», 14–20 ноября)

- «Решение о награждении супружеской пары медалью за долголетнюю совместную жизнь отменено, так как муж убил жену. Войт гмины Иорданув (Малопольша) Станислав Пудо не знает, что ему делать с медалью». («Жечпосполита», 22–23 окт.)

- «Польша — один из главных производителей шкур пушных зверей. В 2010 г. в Польше было произведено около 4 млн. шкур американских норок, около 300 тыс. шкур лис, около 2 тыс. шкур енотов и около 40 тыс. шкур шиншиллы — эти цифры дают Польше 3–4 место в мире (...) По результатам контроля, проведенного Высшей контрольной палатой в Великопольском воеводстве в 2009–2010 гг. (...) 87% звероферм не соблюдают требований по охране окружающей среды; 48% ферм разводило животных в нелегально построенных или используемых объектах; деятельность 35% ферм не соответствовала ветеринарным предписаниям. ВКП отрицательно оценила проведение государственного надзора за фермами». («Дзике жице», декабрь 2011 — январь 2012)

- ««Трудно представить себе мучения, которые пережил этот пес, поэтому даже если бы я мог применить условное наказание, то не сделал бы этого». Так судья из Ополе обосновал приговор мужчине, который привязал собаку к батарее и заморил голодом. Это самый суровый приговор за издевательство над животным. Осужденный в пятницу в 29-летний Кароль У. объяснял свои действия так (...): «Я просто уехал искать работу и не знал, как долго меня не будет»», — Изабелла Жбиковская. («Газета wyborcza», 7 ноября)

- «Таможенники призывают: не убивайте собак (...) Специально обученные животные помогают искать наркотики и контрабандные сигареты. В таможенной службе есть более ста

таких собак. Сегодня, бьют тревогу таможенники, жизнь животных, которые уйдут на пенсию, под угрозой (...)
Возмущение таможенников вызвано распоряжением министра финансов от 23 ноября, где сказано, что «списанная собака» может быть передана проводнику, продана или отдана ветеринару «для совершения эвтаназии» (...) Председатель профсоюза таможенников Славомир Сивый говорит, что это распоряжение ведет к умерщвлению собак, чтобы сэкономить на миске с едой». («Жечпосполита», 9 дек.)

ЭКОСИСТЕМА ДОБРОЙ ВОЛИ

— История неправительственного движения в Польше — это уже два с лишним десятилетия. Но его источники можно искать значительно раньше...

— Определения «третий сектор» или «неправительственная организация» гораздо моложе, но можно вспомнить, что первые польские фонды возникали еще в XIII веке. Их цель состояла обычно в осуществлении разных благочестивых замыслов за деньги вельмож и магнатов. Но ведь всё начинается там, где люди склонны делать нечто большее, чем это вытекает из их обязанностей, из желания заработать, удовлетворить какие-то собственные интересы или же позаботиться о своей семье. В самом глубоком смысле у этого рода деятельности действительно долгая традиция, которая по сути дела старше, чем законы государства и рынка. Следовало бы также пересмотреть довольно частое на сегодня убеждение, будто неправительственное движение в Польше представляет собой результат преобразований 1989 года. Если бы не то, что уже перед этим мы умели «самоорганизовываться», до преобразований вообще бы дело не дошло!

В объединении «Клен/Явор» мы ведем проект «Общественный город» — отслеживаем былые общественные действия, прежде всего относящиеся к межвоенному двадцатилетию. Если бы мы сравнили нашу современную гражданскую активность с той, что имела место во времена Второй Речи Посполитой — с тогдашним ее потенциалом кооперативного движения, различных сообществ, товариществ или фондов, — то испытали бы глубокий стыд. Вторая Мировая война привела к огромным потерям среди интеллигенции, а ведь именно эти круги, их моральные нормы и императивы служили одним из «моторов» общественных действий. Позднее на нас обрушился еще один удар: в 1952 г. все фонды, которые действовали до войны, были национализированы, а их имущество забрало себе государство. Сегодня некоторые круги пытаются как-либо напомнить о тех корнях: «Критика политычна» («Политическая критика») пишет о Станиславе Бжозовском, лодзинское издательство «Обыватель» («Гражданин») переиздает произведения проф. Эдварда Абрамовского.

— Что изменилось за последние двадцать лет в польском «третьем секторе»?

— Довольно характерными были первые «золотые часы» после «круглого стола». Есть смысл помнить, что одной из тем, которые затрагивались тогда во время переговоров с властями, была свобода объединений. После 1989 г. расцвело гражданское общество со всей своей динамикой и разнородностью. Трудно всё это описать. Если бы, однако, рискнуть и попробовать объяснить, в чем состоит «третий сектор», то можно было бы сказать, что неправительственные инициативы представляют собой действия, которые предпринимаются помимо государства, причем это отнюдь не означает, будто они сразу же находятся «в оппозиции к государству» — хотя и такие существуют. Говоря о подобных организациях, слово «неправительственные» нередко заменяют на «non profit» («некоммерческие, бездоходные»), хотя правильнее было бы употреблять формулировку «действующие не для извлечения прибыли», иными словами, таким способом, который прибыли не исключает, но указывает на то, что она имеет вторичный характер и служит осуществлению уставных целей. Если действия «третьего сектора» не должны быть совсем уж анекдотичными и эфемерными, ему нужны ресурсы. Одной лишь общественной активности может не хватить. Поэтому такие организации часто черпают средства из публичных денег — в общей сложности около половины поступлений польского «третьего сектора» исходит из таких источников. Но это и так один из самых низких показателей в Евросоюзе.

Двадцать лет назад всё, разумеется, выглядело иначе. На протяжении первых двух-трех лет всё приводилось в движение еще «историческим адреналином». Позже общественная энергия частично угасла, а частично перешла в политику. Важным моментом стал конец существования гражданских комитетов, которые в сущности были резервуаром этой «праэнергии» будущего «третьего сектора». Тогда-то неправительственное движение начало искать собственный облик. И это оказалось нелегко, потому что память, к которой в то время обращалось мое поколение, либо была вынесена из чтения литературы, описывающей отдаленную историю (вроде, например, книги «Родословные непокорных» Богдана Цивинского), либо касалась общественных организаций как специфических парагосударственных структур периода ПНР. Мы старались, впрочем, не употреблять термин «общественные организации», потому что он ассоциировался для нас с комсомолом.

— Тогда каким же языком описывать общественную деятельность?

— Предлагаю сравнение «третьего сектора» с экосистемой, которая развивалась, проходя через разные стадии. После периода энтузиазма наступил момент торможения. Люди быстро заметили, что этот род деятельности требует непрерывной усердной работы, а также денег — но было не очень-то известно, откуда их брать. Филантропия была в Польше — да и по-прежнему, впрочем, остается — очень скромной, не были упорядочены взаимоотношения с государством, которое начало тогда конкурировать с неправительственными организациями. Лишь с годами появились деньги из зарубежных фондов, особенно американских, а также первые европейские деньги. Все это было, однако, временным и недостаточным. Около 2000 г. денежный ручеек начал пересыхать.

С этой точки зрения существенным было принятие закона о деятельности, приносящей общественную пользу. Он придал цивилизованный характер взаимоотношениям между государственной и муниципальной администрацией, с одной стороны, и организациями, нацеленными на общественную пользу, — с другой. Сегодня почти каждая гмина в Польше проводит программу сотрудничества с НПО, устраивает конкурсы, выделяет гранты — и все это является довольно прозрачным. Закон дал нашим организациям «второе дыхание», хотя вместе с тем сильно привязал их к органам местного самоуправления.

Недавно в нашей неправительственной экосистеме появились евросоюзные деньги — доброе дело, с которым, однако, тоже связаны ограничения: доступом к ним располагают относительно немногие организации, пользование же фондами из Брюсселя требует институциональной зрелости, а часто еще и, к сожалению, некоторой дозы... оппортунизма. Закон запустил также в ход новый источник финансирования «третьего сектора», которым является «1 процент» [отчисления 1% подоходного налога от физических лиц на нужды НПО], — в 2010 г. он принес неправительственным организациям 400 млн. злотых.

— Неправительственные организации ассоциируются главным образом с благотворительной деятельностью, волонтерством, социальной помощью. Какие другие сферы жизни составляют поле деятельности «третьего сектора»?

— Только 10–15% из числа всех инициатив (а в настоящий момент мы их имеем уже свыше 100 тысяч) составляют организации, предоставляющие какую-то помощь. Больше всего таких, которые занимаются спортом, отдыхом и хобби, —

это можно объяснить наличием множества местных спортивных организаций. С точки зрения «институционального ландшафта» малые сельские гмины, образующие собой польский интерьер, довольно похожи одна на другую: несколько спортивных клубов, несколько пожарных команд, кружки деревенских домохозяек, одно-два объединения, которые живут в согласии с войтом или напрямую им контролируются, а временами действуют независимо от него. Тем самым создается множество организаций. «Городской» неправительственный сектор выглядит по-другому и значительно сильнее дифференцирован.

Мы не вправе забывать об организациях, связанных с экологией, культурой, здравоохранением, а также с образованием и воспитанием. Часть из них оказывает социальные услуги: содержит приют для бездомных, школу или дом социальной помощи. Это такие вещи, с которыми мы как общество и так должны в любом случае справляться. Остается решить вопрос, кто этим займется — государство, свободный рынок или, может быть, самоорганизующиеся граждане. В нашей дискуссии, к примеру, на тему здравоохранения и санитарной службы бытует биполярное мышление, «мечущееся» между государственным и коммерческим. Редко нам приходит в голову третий выход: что некоторые инициативы могли бы носить общественный характер. Тут возникает один из вызовов для государства, которое должно поддерживать такого рода институты, чтобы иметь возможность ответственно делиться с ними работой. В этом, между прочим, заключается практическое применение принципа вспомогательности.

Особую группу НПО составляют те, сущность деятельности которых состоит в том, чтобы уравнивать разделение властей. Я в первую очередь имею в виду т.н. наблюдательные организации, которые присматривают за властями, контролируя их действия. Это своего рода иммунная система власти: без наличия таких организаций она проявляет тенденцию к деградации.

Существуют, наконец, организации, чья цель состоит в реализации общих увлечений своих членов, — это может быть, например, совместное приведение в порядок сквера, рядом с которым мы живем. Часто такие действия, по сути дела основанные на взаимности, вовсе не нуждаются в деньгах.

— Одна из целей «третьего сектора» — повысить участие граждан в отпращивании муниципальной власти, в работе

учреждений здравоохранения или образовательных учреждений. Готовы ли на это поляки после 20 лет, прошедших с начала преобразований?

— Дела с этим обстоят все лучше, но в Польше можно также наверняка заметить разные формы так называемого демократического дефицита, равно как и проявления гражданской апатии. Я думаю здесь о чем-то большем, чем низкая явка на выборы или отношение к традиционной представительной демократии, — меня волнует модель партиципаторной демократии, или демократии участия, где в расчет идут не столько голоса (votes), но и голос (voice), иначе говоря, мнения и взгляды по публичным делам, которые люди должны выражать чаще, нежели раз в четыре года. Такая демократия практикуется как нечто повседневное. Это в большей степени общинная модель, где гражданство означает не только права, но и соучастие в ответственности.

Основную часть вызовов, которые стоят сегодня перед Польшей, не удастся разрешить традиционными распорядительно-приказными или же рыночными механизмами. Они требуют общественных микродоговоров. Если мы хотим уговорить людей, чтобы те сортировали мусор, недостаточно повышать уровни штрафов; если хотим, чтобы на улицах было безопаснее, рецепт — не в увеличении количества полицейских, а в чем-то совсем ином: нужно обращать внимание на то, что происходит у соседа. Государство должно создать условия для мобилизации и ответственности граждан, а не делать всё за них. Мы в Польше привыкли ждать от государства многого, вместе с тем зачастую не уважая его как общность либо институт.

— Этот тип мышления хорошо виден там, где появляются голоса, ставящие неправительственным организациям в вину, что они подменяют государство и выполняют его обязанности.

— Здесь надо задаться вопросом: разве государство — это только политики и бюрократы? А может быть, это такая общность, которую составляем и мы тоже? Естественно, что государственно-муниципальная сторона, когда приходит время сводить баланс и денег ни на что не хватает, пробует поделиться работой, не раз привлекая себе на выручку НПО. Не всегда это разделение труда делается по-честному. В качестве примера может послужить опека над бездомными: деньги на эти цели вынуждены добывать неправительственные организации, хотя в чисто правовом смысле опека над бездомными входит в задачи каждой гмины. Тот факт, что

органы самоуправления заставляют наши организации вносить основную часть средств на содержание приютов, представляет собой некое недоразумение. В рамках проходившего недавно VI Всепольского форума неправительственных инициатив мы предусмотрели, в частности, предвыборную дискуссию с участием политиков, которая касалась именно этого вопроса: мы хотели узнать, как им видится такого рода разделение труда, в каких областях государство должно поддерживать общественные организации, а в каких лишь считаться с их существованием.

— Предвыборное время было для некоторых НПО особенно жарким. Как вообще выглядит их работа на опасном стыке с миром политики?

— Часть моих коллег считает, что неправительственные организации слишком «заласканы» политически, что они беззубы, сторонятся политики, а ведь именно там принимаются самые важные решения. Другие полагают, что политика всегда останется пространством, которое присвоили себе политические партии и в котором с людьми, думающими в категориях политического альтруизма и говорящими об общественном благе, не размахивая партийными знаменами, не станут считаться. Но кто знает, быть может, нам следует вступить в политику — коль скоро мы утверждаем, что понимаем, в чем состоит общественное благо? Когда приходят выборы, мы наблюдаем разнообразные переходы из лагеря в лагерь, порою, как мне представляется, мотивированные идеалистическими соображениями, но нередко — инструментальными. Часто партиям нужен «кто-то» в их избирательных списках (как правило, впрочем, на далеких местах, у которых нет шансов на успех). Представители неправительственных организаций становятся точно таким же довеском, как знаменитости, спортсмены, ученые и т.п. Часто это ширма для действий настоящих «игроков».

Будем, однако, помнить, что «третий сектор» помогает также заботиться о качестве самих выборов. Существуют организации, которые пропагандируют участие в голосовании (например, кампания «Имеешь голос — имеешь выбор»). Разумеется, всегда можно столкнуться с взглядом, что это политически мотивировано, так как более высокая явка помогает «Гражданской платформе» и т. д., но, если кто-либо на самом деле верит в демократию, он не может ответственно утверждать, что более низкая явка на выборы для нее лучше. Другие организации в свою очередь уговаривают, чтобы во время голосования делать доброкачественный выбор, вверяя

привилегию представлять себя кому-то, чьи взгляды человек знает и разделяет. Я думаю здесь, в частности, о кампании «Имею право знать», в рамках которой кандидатам в парламент задают вопросы о целом ряде их взглядов по ключевым вопросам — таким образом, чтобы граждане могли эти взгляды сравнить. Затем ведется наблюдение за результатами голосований в парламенте, за высказываниями депутатов и сенаторов. Это необычайно богатый сервис, хотя я не питаю иллюзий: лишь небольшой процент электората проводит такого рода анализ перед тем, как отдать свой голос. Совсем недавно кандидатам как раз рассылали вопросник, имевший целью установить их взгляды по важным публичным проблемам. Было интересно посмотреть, сколько из них захотело на него ответить.

— В Варшаве проходил недавно VI Всепольский форум неправительственных инициатив. Что особенного входило в программу заседаний этого года?

— Форум был в первый раз организован в 1984 г. в Гданьске — нам это казалось символическим: если мы начнем в Гданьске, то неизвестно, где кончим. Первые годы наши встречи были мероприятием, перемещавшимся по Польше, мы побывали в Люблине, Кракове и Вроцлаве. В 1996 г. Всепольский форум впервые состоялся в Варшаве, и с тех пор каждые три года мы организуем такую «олимпиаду» именно там.

У форума в достаточной мере повторяющийся формат: для всего сообщества НПО это крупнейший совместный праздник, который, вообще говоря, преследует две цели: первая — это наш внутренний разговор о том, что в данный момент для нас важнее всего; он касается нашего облика, саморегулирования, денег, стандартов деятельности. В этой части мы запланировали около ста разных событий: мастер-классов, семинаров, встреч, — их программу можно и сейчас найти на сайте www.ofip.org.pl. Второй целью была попытка рассказать людям, не принадлежащим к нашей группе, о том, что собой представляет «третий сектор». Мы выходили на улицу Краковское Предместье, и там свыше ста разных неправительственных учреждений рассказывали о своей деятельности, призывали к волонтерству и к включению в их работу.

С 10 сентября проходила Гражданская неделя, в рамках которой были организованы, в частности, выставки, посвященные традициям движения общественников, и так называемые гражданские кафе: примерно полтора десятка варшавских заведений превратились в места встреч, разговоров и

дискуссий — мы, кстати, издали книгу, где представлена история варшавских кафе с точки зрения их «гражданской» роли. На форуме присутствовало также довольно много гостей из-за границы: из Белоруссии, Украины, России и Грузии. Для многих из них Польша остается важным источником вдохновения, да и мы тоже можем многому от них научиться.

Беседу вел Михал Бардель

Куба Выгнанский — социолог, общественный деятель и участник создания нескольких неправительственных организаций. Президент Общества в пользу Форума неправительственных инициатив, один из создателей объединения «Клен/Явор». Лауреат премии им. Анджея Бончковского (для лучших государственных и негосударственных служащих), награжден кавалерским крестом ордена Возрождения Польши.

ЦЕНТР ГРАЖДАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В начале девяностых годов Польша переживала шок смены строя. Вместе с новой политической системой в жизнь входило новое законодательство, открывавшее перед гражданами много возможностей, но и вызывавшее неопределенность.

Одна из главных перемен касалась активности гражданского общества в его наиболее формализованном сегменте — неправительственных организациях. Социолог Марек Рымша назвал это «эффектом снятия крышки». Как пар вырывается из котла, так неправительственные организации неожиданно возникли в польской общественной жизни. В этом движении появился также Фонд Центра гражданского образования, одной из крупнейших и важнейших общественных образовательных организаций в Польше.

Центр гражданского образования (ЦГО) возник в 1994 г., основанный группой приверженцев нового, другого образования молодежи, и с самого начала ставил перед собой цель изменить школьную систему. Изменения должны были касаться ментальности учителей, системы оценок, подбора материала, выбора школьных предметов, того, что школа предлагает и чему учит после уроков. Речь шла и всё время идет о создании лучшего места для получения знаний, навыков и общественных компетенций. Цель и сущность ЦГО — это прежде всего гражданское общество.

Фонд не стремился к изменению всей системы просвещения. Деятельность организации концентрировалась на тех лицах и учреждениях, которые хотели к ней примкнуть. Проекты ЦГО привлекают учащихся, учителей, директоров школ с их учреждениями. Речь идет о том, чтобы избежать принуждения, повсеместного в системе просвещения.

В настоящее время организация осуществляет около тридцати образовательных программ. Каждая из них касается отдельной сферы жизни школы и того, что вне школы для молодых людей может быть или, по мнению ЦГО, должно быть важным. Программы различаются по масштабу (от нескольких десятков школ до нескольких тысяч) и тематикой.

Методы работы ЦГО опираются на фундаментальное убеждение, что лучшие результаты в обучении достигаются благодаря опыту, приобретаемому учениками в творческой деятельности. Учителя учатся, как правильно и активно работать с учениками. Основой их деятельности должна быть формирующая оценка, характеризующаяся тем, что ученики вместо традиционно понимаемой отметки получают от учителя широкую ответную информацию, которая должна позволить исправить то, что было сделано неверно, и мотивирует к этому.

Учащиеся, реализующие проекты ЦГО, работают самостоятельно, а учителя и сотрудники организации предоставляют им для этого инструменты и оказывают поддержку. Самое главное, что (как минимум, по идее) школьники действуют самостоятельно и добровольно. Центр обычно не организует конкурсов, исходя из простого убеждения, что в конкурсах только небольшое число участников выигрывает. Те, кто проиграл, могут утратить интерес к цели конкурса, какой должно быть приобретение новых знаний или компетенций. С образовательной точки зрения, намного лучше ситуация, в которой нет таких дифференциаций. Выигрывают, таким образом, все, кто внес усилия в осуществление проекта и довел работу до конца.

В более чем десятилетней истории ЦГО можно выделить два этапа работы со школьниками. Еще несколько лет назад самой популярной ее формой были мастерские, руководимые не учителями, а инструкторами («аниматорами») ЦГО. Несколько часов активной работы, формы которой школьник совершенно не связывал с тем, что он изо дня в день делает в школе, должны были стимулировать к активному участию в проектах. Мастерские, кроме того, позволяли учащимся лучше узнать друг друга, прививали навыки коммуникации с другими людьми. Часто школьники узнавали в процессе работы, что такое проектный метод, как привлекать партнеров к своей локальной деятельности, как сотрудничать с региональными СМИ. Такие знания сразу применялись на практике и позволяли школьникам действовать эффективно. В дальнейшей перспективе, быть может, это позволит школьникам стать активными гражданами.

В течение последних нескольких лет ЦГО постепенно отказывался от мастерских в пользу обучения через интернет. Курсы, проводимые по интернету, позволили расширить масштаб проектов при сохранении затрат на прежнем уровне. Однако спорным остается, дает ли эта новая форма работы с

учащимися результаты, аналогичные необезличенной и активной форме мастерских. Попыткой сохранения высокого качества образования через интернет стало введение для этого типа работы новой профессии — ментора. Ментор — это лицо, ответственное за работу нескольких групп. Он модерерирует работу, дает учащимся ответную информацию, заботится о постоянном прогрессе.

Менторами, как и инструкторами, становятся студенты-гуманитарии. Для них, как и для школьников, интернет — всё более естественный коммуникационный посредник.

Образование, таким образом, переносится туда, куда переносится внимание молодого поколения. Вопрос, который следовало бы себе задать, в том, усиливает ли такой перенос изменения к лучшему в качественном отношении или просто их укрепляет.

Среди программ следует назвать хотя бы такие, как «Обучающаяся школа», в которой учителя приобретают новые, востребованные компетенции; «Формирующая оценка», цель которой склонить учителей к данной форме оценки работы учащихся; «Школа класса 2.0», стимулирующая школы к повышению качества функционирования; «Молодежь голосует», которая должна поощрить молодежь стать активными избирателями и гражданами; «Следы прошлого» — программа, касающаяся местной истории; «Литературный атлас Польши» — программа, показывающая реальное приложение литературы к повседневной жизни; «Почитай мне, друг» — старшие школьники читают младшим; «Смотри и меняй»; «Школьная фильмотека» — программа, которая дает учащимся возможность познакомиться с языком кинематографа; программа «Молодые предприниматели», расширяющая экономические знания.

Если изменения в образовании должны быть реальными и широкими (то есть не только в образовательных учреждениях крупных городов), их необходимо осуществлять посредством многих каналов и методов. Насколько они могут быть разными, покажу на двух примерах.

Проект «Следы прошлого» имеет целью заинтересовать школьников историей их местности. Суть в том, чтобы показать, насколько история может быть интересной и что она касается их непосредственно и родственно. Исходным пунктом всегда становится работа школьников над темой, избранной ими в сотрудничестве с учителем и местными экспертами. Результатом работы могут быть вещественные изменения

(например, ремонт старого кладбища), либо, чего труднее добиться, изменение установок местных жителей. Второй цели пытаются достичь, пропагандируя изучаемую тему (например, роль уже отсутствующего национального меньшинства в истории города), организуя экскурсии для ровесников, печатая листовки, создавая страницы в интернете.

Примером проведения в жизнь «Следов прошлого» может служить акция учащихся гимназии во Всхове Любушского воеводства. Они поставили задачу реставрации старинного евангелического кладбища — «Лapidариума». Совместно с Музеем Всховской земли гимназисты начали собирать информацию о прежних жителях этих территорий. Об интересных фактах рассказывали друзьям и родителям. Осуществляемое в течение нескольких лет сотрудничество принесло заметные результаты, а регулярная работа, связанная с кладбищем, научила, как можно эффективно действовать. Один из учеников, принимавших участие в проекте, описал это так: «Я считаю, что опека над «Лapidариумом» — это что-то исключительное; мы подметаем дорожки, сгребая листья, но при этом узнаем историю этого исключительного места. Благодаря проекту мы узнаем также историю представителей евангелической общины, живших когда-то у нас, их культуру и вклад в развитие нашего города».

Второй пример деятельности ЦГО — программа «Школа класса 2.0», продолжение «Классной школы». Если согласно исходной программе титул «Классная школа» получали учебные заведения, применяющие принципы нового, дружелюбного образования, то вторая программа способствует осознанному и эффективному использованию новых технологий. Польские школы все чаще получают в свое распоряжение современные программные продукты и мультимедийное оборудование. Вопросом остается, как это всё использовать в ходе уроков. В соответствии с программой, учителей поощряют приобретать новые знания и умения, учат правильно использовать доступные им инструменты. Благодаря этому они передают учащимся знания, как использовать компьютер и программное обеспечение для более эффективной учебы и шире — в жизни. «Школа класса 2.0» — это также знакомство с этикой использования новых информационных и коммуникационных технологий. Здесь цель, чтобы ученики отдавали себе отчет в том, например, что в контексте интернета и авторских прав допустимо, а что — нет.

Деятельность ЦГО с самого начала оказалась эффективной и привлекательной, она притягивает из года в год тысячи

учителей и учеников. Идея гражданского общества оказалась настолько плодотворной, что позволила организации окрепнуть, стать сильной и открытой.

Проблемы, перед которыми стоит ЦГО, связаны с масштабом деятельности и политикой. Так, можно наблюдать его возрастающую политическую ангажированность и профессионализацию. ЦГО в масштабах всего польского третьего сектора — одна из крупнейших организаций. Центр не имеет отделов вне Варшавы, но в столичных его учреждениях работает около ста человек. Столь крупная организация сталкивается с многочисленными проблемами, такими как огромные непроизводительные издержки, слабые внутренние связи, бюрократизация, ослабление чувства миссии. Кроме того, доминирование в течение более десяти лет на «рынке» гражданского образования ведет к конфликтам между ЦГО и другими организациями, действующими в этой области. Монопольное положение ЦГО на нескольких участках ощущают и те, кто тоже хотел бы принять участие в строительстве гражданского общества.

Политическая проблема ЦГО обусловлена жесткими идеологическими установками фонда. Идеи, содержащиеся в программах, часто спорны и вызывают конфликты. Среди таких идей — решительная поддержка экологических установок, содействие развитию, глобальному образованию. В соответствии с двумя последними концепциями, в область ответственности экономически сильных западных государств входит помощь тем, кто только развивается. Речь идет о государствах так называемого Третьего мира. В польских политических реалиях поддержка таких идей однозначно связывается с левой частью политического спектра. Это противоречит довольно популярному лозунгу аполитичности третьего сектора.

Деятельность ЦГО сильно идеологизирована; остается мало места для дискуссий. Примером может служить проект «Смотри и меняй». Его главная мысль, внушаемая молодым при начале деятельности в мастерских, — «Мысли глобально, действуй локально». Эта идея, сама по себе правильная, должна быть воплощена, например, посредством осознанного выбора продуктов, которые ежедневно покупают ученики и их родители. Молодежь должна поощрять к таким действиям своих друзей и других членов местной общины. Никто, однако, не предпринимает со школьниками бесед о смысле таких действий — в большинстве случаев они трактуются парадигматически. Учащимся представлена единственная

картина мира, и целью программы становится доказательство ее верности.

Несмотря на эти проблемы, ЦГО — наиболее успешно действующая в сфере образования всепольская неправительственная организация. Один из важнейших успехов ЦГО — формирование поколения обучающихся. Бывшие сотрудники и инструкторы действуют сейчас в других неправительственных организациях, учреждениях просвещения, министерствах. Знания, полученные в ЦГО, передаются благодаря этому дальше и влияют на современное состояние польского общества.

ОБЪЕДИНЕНИЕ «НИКОГДА БОЛЬШЕ»

Новообетенная в 1989 г. свобода представляла собой крупный шанс, но оказалась еще и немалым вызовом. Не все сумели с ними совладать. Помимо позитивных перемен, начало которым было положено восстановлением самых разных свобод, таких как свобода слова, объединений, проявления политических взглядов, мировоззренческий плюрализм, свобода СМИ и т.д., возникли и негативные явления, которые на волне эйфории «осени народов» мало кем ожидались. Из длившейся несколько десятилетий коммунистической спячки и оцепенелости вынырнули идеологии, давно уже не наблюдавшиеся в этой части планеты, — воззрения, которые хотя и не артикулировались вслух, но всё время продолжали существовать подспудно. Ни с того ни с сего произошла эскалация крайне правых идеологий — расизма, антисемитизма и неонацизма. Это было еще и результатом мировоззренческого замешательства и аксиологической беспомощности, особенно в конфронтации с высокоразвитыми западными странами, которые как раз вступали в эпоху постмодернизма.

Рафал Панковский, один из наиболее вдумчивых исследователей праворадикальных идеологий в Польше, в интервью «Тыжднику повсехному» (23.04.2008) диагностировал этот процесс следующим образом: «Верхушка Третьей Речи Посполитой допустила ошибку, предполагая линейную модель развития демократии, в соответствии с которой демократия крепнет, в Европе прогрессирует интеграция и в дальнейшем может быть только лучше, так как шовинизм и антисемитизм будут по мере прогресса исчезать. Последние годы показали, что в любую минуту может наступить шаг в сторону, если не вспять. Под угрозой находятся не институты или процедуры, но уже само содержание демократии. В Польше по-прежнему действуют фашиствующие организации, а уровень антисемитизма выше, чем десять лет назад».

Власти других стран Центральной и Восточной Европы тоже не блеснули особой проницательностью, если вообще построение и развитие либеральной демократии, основанной на западных

образцах, было для них приоритетом и привлекало внимание местных политических верхов.

Гражданское общество — один из устоев, на которые опирается система парламентской демократии. И, если в некоторых странах бывшего Варшавского пакта случались стихийные бунты против коммунистического тоталитаризма, поддерживаемые общественной самоорганизацией, и даже оказался возможным полуторалетний прорыв польской «Солидарности», который вплоть до сегодняшнего дня воодушевляет освободительные движения во всём мире, то прочное, сильное и независимое сообщество, составленное из личностей, сознательно действующих на пользу общему благу, в этой части Европы практически не существовало, и его построение требовалось начинать от самых основ. Просто общества Центральной и Восточной Европы по историческим причинам находились вне или, в самом лучшем случае, на далекой периферии многовековых процессов построения парламентской демократии, которые шли в североатлантической части нашей планеты.

В Польше, переходящей от вассальной Польской Народной Республики к полностью независимой и свободной Речи Посполитой, ситуация была в этом отношении не самой худшей. Традиции польской веротерпимости восходят к XV веку, а на протяжении последующих двух столетий они представляли собой с точки зрения гражданских свобод подлинный феномен на карте тогдашнего мира. Правда, два следующих века принесли регресс свобод, падение государства и более чем столетнее порабощение, однако в отличие от многих других соседних народов Польша располагала вполне весомыми традициями гражданственности и свободы, особенно в индивидуальном аспекте. С другой стороны, в Польше «испокон веков» с большими проблемами сталкивается создание общности, ставящей в качестве высшей цели коллективное благо и ради него отрекающейся от индивидуального эгоизма. Стереотипы говорят — и не без зерна истины — о зараженности поляков духом анархии, что отчасти результат специфической истории страны.

В числе новых шансов, которые давала Польше свежезавоеванная в 1989 г. свобода, было, таким образом, и построение гражданского общества, один из столпов которого — разумеется, неправительственные организации.

Среди организаций, занимающихся противодействием расизму, ксенофобии и нетерпимости, дольше всего существует объединение «Никогда больше».

Его возникновение явилось реакцией на весьма конкретное событие. Осенью 1992 г. в Быдгоще банда неофашистов численностью около пятидесяти человек пыталась поджечь студенческое общежитие тамошней Медицинской академии, где в числе прочих жили студенты с Ближнего Востока, из Индии и африканских стран. Этот случай послужил непосредственным импульсом к стихийному созданию Антинацистской группы (АНГ). Возникла она в среде молодых людей, которые не соглашались на очень частые тогда в польской реальности обращения к расистским идеологиям и возрождающемуся антисемитизму, а также на расцвет субкультуры наци-скинов, находившейся в тот период на волне подъема.

Четыре года спустя, осенью 1996 г., на базе действующих в нескольких городах ячеек АНГ возникло объединение «Никогда больше» («НБ»). Для издания собственного печатного органа и беспроblemного ведения других видов деятельности было необходимо урегулировать правовые вопросы и, в частности, создать юридическое лицо — поэтому и возникла такая организационная форма, как объединение. Вместе с тем Антинацистская группа как неформальная молодежная группа всё это время продолжает действовать. Она организует на местном уровне самые разнообразные мероприятия — концерты, спортивные турниры, лекции в школах, расклеивание плакатов, раздачу листовок. Ее действия носят более стихийный характер, но при этом она остается в тесном союзе с «НБ».

Объединение «Никогда больше» — это независимая организация, не связанная ни с какой из политических партий. Там работают люди с очень разными взглядами и убеждениями, которых объединяет несогласие с проявлениями расизма, фашизма и ксенофобии. Миссия «Никогда больше» состоит в продвижении многокультурности и уважения к инаковости. А еще в том, чтобы сломать заговор молчания вокруг проблемы расизма и ксенофобии. И построить широкое, разнородное движение протеста против дискриминации во всевозможных пространствах общественной жизни. В 1996 г. объединение выступило инициатором удачной кампании за внесение в польскую конституцию запрета на деятельность фашистских и расистских организаций (ст.13).

С 1994 г. издается антифашистский журнал «Нигды венцей» («Никогда больше») — единственный в Польше специализированный печатный орган, целиком ориентированный на проблемы расизма и борьбы с ним.

Указанное издание публикует тексты, посвященные в первую очередь всяким разновидностям дискриминации — по национальности, происхождению, цвету кожи, по культурным и религиозным отличиям. Пишет о шовинизме и расизме, но одновременно популяризирует позитивные установки на открытость по отношению к другим народам и национальным меньшинствам — в пространствах политики, культуры, общественной жизни. Тематика публикаций — очень широкая. Но издание неизменно вращается в кругу перечисленных выше главных течений.

На страницах «Никогда больше» выступали люди, пользовавшиеся самым большим нравственным и интеллектуальным авторитетом в современной Польше, в том числе Марек Эдельман, Владислав Бартошевский, Ежи Ключер, Мария Янион, Анджей Щипёрский, Генрик Гринберг, Мириам Акавиа, Михал Гловинский, Анджей Цолль, Алина Цала, Константы Геберт, Станислав Обирек. Журнал много раз раскрывал сенсационные сведения из жизни правых радикалов, оказывавших принципиальное влияние на политическую ситуацию в стране. Сравнительно недавно он описал, к примеру, неонацистское прошлое Петра Фарфала, вице-президента, а затем и президента Польского телевидения в 2008–2009 гг., тогдашнего политика из «Лиги польских семей», входившей в правительственную коалицию.

Среди сочувствующих и друзей объединения одним из первых был Яцек Куронь. А поддержку и содействие ему в разной форме оказывали также, в частности, Ян Карский, Симон Визенталь и Ежи Гедройц.

При объединении полтора десятка лет действует самый важный в стране информационный центр, предоставляющий всем заинтересованным уникальные экспертные знания о крайне правых силах в Польше и во всей Европе. Одна из главных форм активности этого центра — сотрудничество со СМИ. Таким способом объединение доходит до общественного мнения с целью пропагандировать антирасистские позиции, а также оказывать давление на соответствующие учреждения. Благодаря помощи «Никогда больше» появилось несколько тысяч газетных статей, теле- и радиопередач, документальных фильмов, книг, а также студенческих работ и диссертаций, посвященных феномену расизма и неофашизма.

Сегодня объединение «Никогда больше» — это организация, специализирующаяся на мониторинге проявлений расизма и завоевавшая себе реноме на родине и за границей.

В самом начале 2009 г. объединение выпустило «Коричневую книгу» Мартина Корнака. Она вышла из печати в рамках проекта «Противодействие нетерпимости», реализуемого объединением «Никогда больше» в сотрудничестве с варшавским вузом «Collegium Civitas» и фондом Стефана Батория. В этой книге почти на 500 страницах содержится описание свыше двух с половиной тысяч событий, датируемых 1987–2008 гг., — таких же, как описанное выше, или похожих на него, в том числе более пятидесяти убийств. Публикация представляет собой результат проводившегося без малого двадцать лет мониторинга инцидентов на расистской и ксенофобской почве, а также преступлений, совершенных неофашистами. Описания событий исходят прежде всего от корреспондентов, сосредоточенных в сети «НБ». Кроме того, при создании «Коричневой книги» использовались сведения, полученные от организаций различных меньшинств — партнеров «НБ», а также содержащееся в газетных статьях, радио- и телевизионных передачах, в книгах, затрагивающих тематику дискриминации и предубеждений, на интернет-порталах, в отчетах отечественных и зарубежных неправительственных организаций.

Эта работа охватывает события не только на расистской почве, но и на почве гомофобии, а также проявления дискриминации лиц с ограниченными возможностями — иными словами, всё, что можно квалифицировать в качестве так называемых hate crimes (преступлений на почве ненависти), связанных с преследованием и/или дискриминацией. Здесь приведены также примеры языка вражды (англ. hate speech), которым пользовались публичные лица. Однако самой важной темой названной книги остается расизм. Это самая масштабная и практически единственная многолетняя хроника расистских и дискриминационных инцидентов в Польше.

Есть смысл несколько ближе присмотреться к явлениям, описываемым в этом издании, — уже хоть бы по той причине, что это самая масштабная и практически единственная многолетняя хроника событий данного типа в Польше.

С физическими атаками, символическим и словесным насилием могут столкнуться самые разнообразные лица, не подпадающие под ультраправые стандарты «истинных поляков». Поводом к идеологически мотивированным нападениям может стать иной цвет кожи, внешний вид, национальность, а также культура, отличающаяся от польской, или иная модель жизни.

Группой, которая в сильной степени подвергается наиболее крайним формам hate crimes, является альтернативная молодежь, проявляющая свой бунт и отличие от «нормального общества», скажем, нестандартной внешностью. Члены ультраправых организаций часто прибегают к насилию по отношению к таким людям. Об альтернативной молодежи они говорят: «не совсем полноценная», «не вполне польская» или попросту «грязная». Примером могут служить нападения на фанов регги и хип-хопа, которые ненавистны правым за прослушивание «черной» музыки.

В угрожающей ситуации находятся также люди, исключенные в социальном смысле, чаще всего — бездомные. «Коричневая книга» содержит описания тяжких избиений и даже 15 убийств бездомных, то есть так называемых преступлений на почве презрения. Часто их виновники, не раз оказывавшиеся ярыми, нескрываемыми неофашистами, открыто называли такие события «операциями по очистке города». Принимая во внимание трагические последствия, можно смело констатировать, что в Польше это серьезная, причем запущенная проблема, в истоках которой лежат дискриминационные, отторгающие взгляды.

Особая территория расистских инцидентов — спортивные стадионы. Во время футбольных матчей и сразу же после них дело порой доходит до расистских нападений на болельщиков из других стран либо из враждебных клубов, которые сплошь и рядом признаются «еврейскими» («еврей» — это в кругах футбольных лжеболельщиков самое худшее ругательство), равно как и на чернокожих спортсменов. Подобная ситуация возникла в результате инфильтрации болельщицких кругов некоторыми организациями радикально правых сил, такими как «Национальное возрождение Польши», «Blood & Honour» или «Всепольская молодежь». В последние годы лжеболельщики часто появляются в качестве банд боевиков на демонстрациях, организованных названными организациями, — например, против деятельности антидискриминационных движений. Расистские футбольные болельщики бывали также виновниками убийств. Самое громкое из них произошло 29 мая 1993 г. в Хожуве перед отборочным матчем к чемпионату мира по футболу между Польшей и Англией, когда один из нацистов, член расистской боевой группы краковского клуба «Краковия», несколькими ударами ножа убил Роберта Куяву из Щецина. Последним событием подобного типа, которое фиксирует «Коричневая книга», было убийство в Белостоке 14 декабря 2005 г., когда воинственная шайка местных неофашистов избила до смерти 19-летнего Адриана Р., одного из

верховодов «Преторианцев» — группы болельщиков «Ягеллонии» из Белостока. Нападение стало результатом конфликта между разными группировками приверженцев этого клуба — наци-скинами и «преторианцами» — за «предводительство» на стадионе «Ягеллонии». До убийства дошло по причине идеологической дружбы между подляскими скинхедами и неонацистами из гданьской «Лехии» — тогда как остальные фаны «Яги» были настроены к этому клубу враждебно, — а также из-за активной пропаганды расизма на матчах «Ягеллонии», чему противились «Преторианцы».

Этническая группа, которая чаще других сталкивается с актами насилия на расистской почве, — это цыганское население. Их положение в Польше не столь драматически плохое, как в Словакии, Чехии, Румынии или Венгрии. Однако вытекает это главным образом из той простой причины, что цыган в нашей стране проживает немного. В отдельных районах южной Польши, где их относительно больше, проблема становится явно ощутимее. Лиманова — это только один из многих городков, где цыганское население практически ежедневно подвергается атакам. Дело доходит до попыток поджога квартир, нападений и избиений. За последние два года «Никогда больше» отметило примерно двадцать инцидентов этого типа.

Редко в Польше доводится слышать о преступлениях и актах дискриминации в отношении лиц с ограниченными возможностями, совершаемых из-за их физического или психического состояния. Эта тема не принадлежит к числу тех, которые волнуют общественное мнение; тем временем в каждом отчете об итогах мониторинга, печатаемом в очередных номерах журнала «Никогда больше» (а он в последнее время выходит в свет как ежегодник), отмечается, по меньшей мере, несколько подобных случаев.

Яркое проявление hate crimes — атаки неонацистских свор на разные эмансипационные демонстрации — феминистские, экологические, ратующие за те или иные свободы, а также марши движения за равноправие геев и лесбиянок. Нападения случаются также во время концертов альтернативной музыки и вернисажей современного «критического искусства», которое высказывается на тему щекотливых социальных вопросов. Другой пример — случаи разрушения кладбищ, как еврейских, так и принадлежащих некоторым другим национальным и религиозным меньшинствам (украинских, русских, немецких, греко-католических, православных, мусульманских), а также кладбищ советских солдат. Часто мы

встречаемся на них с расистскими, антисемитскими, фашистскими надписями. Зафиксированы также многочисленные случаи идеологически мотивированного разрушения объектов, принадлежащих национальным и религиозным меньшинствам. С сентября 2009 г. в мониторинге «Никогда больше» зафиксировано уже 13 инцидентов этого типа, и их частота удерживается на более или менее постоянном уровне.

Непосредственные нападения не исчерпывают всего спектра расистского насилия.

Особый вопрос — это язык вражды. С ним можно столкнуться, к примеру, в повсеместно доступных антисемитских и шовинистических изданиях, продаваемых, между прочим, в киосках «Руха» (акционерного общества, где контрольный пакет держат министерство финансов и государственное казначейство) — самого крупного распространителя прессы. Там предлагаются, например, несколько расистских публикаций Лешека Бубеля, а также журналы крайне правых — «Польская мысль» или «Найвыжши час!» («Самое время!»). Со многими случаями подстрекательства к расистским преступлениям мы встречаемся и в интернете. Очень часто здесь раздаются прямые призывы к агрессии и указания, каким образом можно найти и распознать лиц, признанных «оскверняющими чистоту» — расовую, национальную и т.п. Самым громким примером этого явления служит созданный польским отделением фашиствующей сети «Blood & Honour» неонацистский сайт «Redwatch», где размещены фотографии, описания внешности, адреса проживания и обстоятельные данные о нескольких сотнях деятелей антифашистских, левых и феминистских организаций, а также о журналистах из многих десятков городов. Повод публичного распространения указанных сведений был ясен. Речь шла о том, чтобы сделать лиц, которые не нравятся фашистам, целью атак и травли. Благодаря крупной общепольской кампании, проведенной объединением «Никогда больше», создатели этого сайта предстали перед судом и попали в тюрьмы.

Все описанные ранее случаи трактуются как еще более серьезные явления, когда это результат деятельности организованных групп. В Польше их относительно много, что связано со значительным общественным дозволением на их существование и с их практической безнаказанностью. Самые важные из них — это «Всепольская молодежь», в предыдущем парламенте она располагала десятью представителями, которые получили мандаты по спискам «Лиги польских

семей»; далее следуют неофашистские «Национальное возрождение Польши» и «Национально-радикальный лагерь», а также группы поменьше — неофашистские, неоязыческие и крайне националистические. Проблему составляют также неонацистские группы боевиков — такие как «Blood & Honour», «Combat-18» или «Церковь Творца». В соответствии с буквой закона почти все эти организации не должны существовать, а их члены подлежат преследованию со стороны государственного аппарата. Тем временем они действуют беспрепятственно, а их члены и сторонники регулярно совершают преступления из расистских побуждений и подстрекают к hate crimes. Организуют расистские митинги и демонстрации, пропагандируют расистские и шовинистические идеи, органы польского государства обычно молчат. Может быть, вестником новых порядков и лучшей практики в исполнении существующих положений права станет постановление Опольского окружного суда в от 9 октября 2009 г. объявить вне закона местное отделение «Национально-радикального лагеря» в Бжеге. Это решение, прецедентное и переломное в польской юридической действительности (впервые была применена ст.13 конституции!), свидетельствует, что государство наконец-то применяет к неонацистам предусмотренные законом средства. Быть может, удастся, наконец, переломить инерцию польских органов правопорядка и других учреждений, ответственных за борьбу с ультраправыми силами.

Информированность общества по поводу угроз со стороны праворадикальных организаций всё еще недостаточна, хотя ситуация постепенно улучшается. Но еще недавно, во времена правления предыдущей коалиции, всяческие расистские, шовинистические и ксенофобские акты интенсифицировались; кроме того, зачастую они неофициально, а иногда и открыто оправдывались и поддерживались властью. Достаточно вспомнить, например, о том, как некоторые видные члены «Лиги польских семей» и «Права и справедливости» обеляли атаки на демонстрации за равноправие сексуальных меньшинств или на выставки «критического искусства». Чаще всего подобные нападки не сталкивались с общественным сопротивлением и надлежащим осуждением.

Имеет смысл задать себе вопрос о причинах расистских и тому подобных предубеждений, особенно в Польше с ее, как ни говори, очень необычной историей. Главный вывод, который при этом напрашивается, — их укорененность в культуре. В той мрачной сфере польской культуры, которая составляет

глубинную почву для предубеждений и идеологических взглядов, рождающих ненависть, и часто толкает к правонарушениям. Это предубеждения и стереотипы на тему тех или иных национальных, этнических и социальных меньшинств, существующие уже многие десятилетия и даже столетия. Они закодированы в способе восприятия действительности и даже в польском языке. Примером могут служить многочисленные выражения, фразеологические конструкции и пословицы, произрастающие на антицыганской, антирусской и особенно на антисемитской почве. Причем всё это наблюдается отнюдь не исключительно среди малообеспеченных и малообразованных социальных групп — нередко такие явления встречаются даже среди номинальных «элит». Да и люди, ответственные за форму общественной и культурной жизни, тоже бывают заражены тем же вирусом.

Своеобразный пробный камень истинных настроений на этом пространстве — пассивность перед антисемитизмом, проявляющимся в форме «граффити» на стенах польских городов, городков и деревень. Это, однако, лишь часть более широкого явления — отношения значительной части поляков к евреям, их безразличия и враждебности, которые отложились глубоким отпечатком на польской истории, культуре и современности.

Основополагающие причины безучастности и к антисемитизму, и отчасти к судьбе евреев, которая стала их уделом почти семьдесят лет назад, лежат в истории сосуществования поляков и евреев.

Хотя оно протекало на той же самой земле и в принципе носило мирный характер, однако это были два параллельных течения параллельных, часто друг от друга не зависящих событий и процессов, в которых трудно говорить об общности опыта и переживаний, поскольку де-факто происходящее всегда являлось историей двух отдельных миров. Мира польского христианского большинства, который, выражаясь эвфемистически, сохранял далеко идущую отчужденность от «старших братьев по вере» (это, отметим, относительно новая понятийная категория), и мира еврейской диаспоры, где ассимиляционные тенденции начали проявляться очень поздно, лишь во второй половине XIX века, да и то единственно на его интеллигентских обочинах.

С самого начала формирования современного польского народа еврейская община была оставлена за рамками этого процесса, который происходил с опорой на две силы: интеллигенцию,

ведущую свое происхождение от шляхетской нации, и на католическую Церковь, — и основывался на ценностях, присущих обеим этим силам. Лишь по истечении многих лет, со времени поражения восстания 1863 г., к этому процессу стали подключаться крестьянские массы. Что же касается евреев, то они никогда не были ни его объектом, ни субъектом, а сами тоже не проявляли особой активности и решимости, чтобы изменить это. Таким образом, они никогда не стали своими. Мало того, на них пал стигмат чуждости, который вместе с нарастанием у части польского общества националистических тенденций начал приобретать всё более негативные оттенки.

Грустно, но и симптоматично, что польская травма после окончания второй мировой войны не касалась или касалась в небольшой степени трагедии Шоах (Катастрофы). Даже перед лицом этих предельно драматических событий не был сломлен тот барьер чуждости, который окружал польских евреев. Достаточно упомянуть кровавые антисемитские беспорядки, имевшие место в Кельце, Кракове или на Подгалье практически сразу же после окончания войны, или же вынужденный исход евреев в 1968 году. Трудно настаивать, что эти события вызвали среди большинства поляков потрясение или рефлексорную реакцию протеста, а многие несомненные акты солидарности, к сожалению, не приобрели сколько-нибудь серьезных размеров, редко выходя за пределы круга интеллигенции.

С 1996 г. объединение «Никогда больше» реализует две свои самые старые и наиболее известные кампании: «Музыка против расизма» и «Вышибем расизм со стадионов». Под вывеской музыкальной кампании удалось собрать исполнителей разных музыкальных жанров и через их творчество обратиться с позитивным посланием к сотням тысяч слушателей. В рамках кампании проходят концерты и фестивали, а музыканты размещают ее логотип на своих дисках. Под девизом «Музыка против расизма» вышло семь сборных дисков с участием многих известных артистов из Польши и из-за рубежа. С кампанией сотрудничали пользующиеся наибольшим признанием современные польские музыканты рока, попа и джаза, в том числе Кшиштоф Грабовский — «Грабаж» («Гробовщик»), Рышард «Тымон» Тыманский, Мунек Стащик, Мацей Маленчук, Роберт Брылевский, Лех Янерка, Мацей Зембатовый, а также иностранные звезды такого масштаба, как «Zion Train», «Chumbawamba», «Afrika Bambaataa» и Лестер Боуи — первопроходцы хип-хопа и фри-джаза.

На сборные диски, изданные под вывеской кампании, бесплатно предоставили свои записи свыше 60 артистов. Вдобавок почти 400 исполнителей появились на разных изданиях, обозначенных логотипом кампании, — а всего таких вышло не меньше 350 ти. В ее рамках состоялось также около 500 концертов.

Музыкальная пресса признала «Музыку против расизма» одним из самых важных событий 1997 г., и ее деятельность по сей день популярна в музыкальной среде. Она очень точно попала в социальный заказ, о чем свидетельствовали не только поддержка музыкантов и интерес средств информации, но и тысячи писем, которые поступили в «НБ» во время ее проведения. Логотип кампании, раскрытая бело-черная ладонь, — это, пожалуй, самый распознаваемый в Польше символ борьбы с расизмом. Это отчетливо видно каждый год на самом крупном польском рок-фестивале «Остановка Вудсток», где присутствуют тысячи людей в майках, с нашивками и значками с ее логотипом. Он служит красноречивым знаком, с которым люди отождествляют себя. Многие приняли «Музыку против расизма», а также то послание, которое она с собой несет, как нечто личное и важное в жизни.

Кампания «Вышибем расизм со стадионов» адресована главным образом футбольным болельщикам, а также спортсменам, тренерам, деятелям и журналистам, связанным с этим видом спорта. С самого начала здесь ставились четыре цели — выработка у спортивной общественности устойчивости к идеологии расовой и национальной ненависти, а также дискриминации; освобождение стадионов от фашистской и расистской символики на флагах, баннерах и транспарантах; изгнание со спортивных трибун расистских частушек, выкриков, речёвок и лозунгов, наконец, распространение моды «болеть позитивно».

Объединение «Никогда больше» было соучредителем сети FARE («Football Against Racism in Europe»), группирующей многие организации из 37 стран, сотрудничает также с УЕФА и ФИФА. Оно партнер Польского футбольного союза (ПФС), министерства спорта и туризма, организатора главной лиги польского футбола ЗАО «Экстра-класс», организатора чемпионата Европы по футболу акционерного общества PL.2012, окружных футбольных союзов и вдобавок организует обучение футбольных деятелей и судей. «НБ» взаимодействует с международной кампанией «Stand Up Speak Up», инициатором которой выступил легендарный футболист Тьерри Анри, а также с Советом Европы, международной организацией

болельщиков «Football Supporters Europe» и с международной федерацией профессиональных футболистов FIFPro. Ко всей этой деятельности подключаются национальные и этнические меньшинства.

Кампанию «Вышибем...» лично поддержал один из самых выдающихся игроков в истории футбола, нынешний глава УЕФА Мишель Platini, который констатировал: «Сотрудничество Польского футбольного союза и объединения «Никогда больше» — польского представителя сети «Футбол против расизма в Европе» — представляет собой пример образцового взаимодействия. Призываю Польский футбольный союз продолжать плодотворное сотрудничество с объединением «Никогда больше», а также развивать дальнейшую деятельность, благодаря которой польский футбол перестанет использоваться для распространения расизма и других форм дискриминации».

Всё это поддержали также вчерашние и сегодняшние звезды польского футбола, а также сборная команда Польши на чемпионате мира 2006 года. Действия «НБ» получили также поддержку нескольких десятков футбольных клубов со всей Польши, в том числе ведущих команд главной лиги.

Объединение проводило просветительские акции на чемпионате мира 2006 г. и на чемпионате Европы 2008 г., а каждый год в октябре координирует на территории Польши и Восточной Европы Неделю акций футбола против расизма в Европе. Осуществляет оно и цикл антирасистских действий, предшествующих «Евро-2012» в Польше и на Украине. В дополнение к этому устраивает акции по раздаче листовок на стадионах всей Польши; печатает антирасистские плакаты с фотографиями сборной команды Польши, клубных команд и ведущих звезд польского футбола; помогает клубам и спортивным союзам в их антирасистских действиях; проводит конференции, встречи, лекции, курсы обучения, семинары и мастер-классы. Кроме того, оно организует и поддерживает антирасистские футбольные турниры для молодежи, а также регулярные и показательные матчи команд из разных лиг под лозунгами борьбы с расизмом и шовинизмом.

Объединение ведет также регулярный мониторинг расистских инцидентов. Его результаты публикуются в очередных номерах журнала «Стадион» — еще одного печатного органа, выпускаемого «Никогда больше» и на сей раз предназначенного для болельщиков. В результате сотрудничества этого издания со СМИ и экспертами появились

сотни публикаций в прессе и книгах, а также радио- и телевизионных передач о расизме в спорте.

«Никогда больше» определяет борьбу с расизмом на стадионах очень широко, исходя из следующего предположения: спортивные арены — лишь отражение того, что происходит, хотя, может быть, и с меньшей интенсивностью, в обществе. Следовательно, борьба с расизмом не может ограничиваться конкретными местами — нужно предпринимать попытки изменить ментальность. И здесь видны изменения к лучшему. Когда кампания «Вышибем расизм со стадионов» только начиналась, она возбуждала всеобщие сомнения. Скептики утверждали, что в среде футбольных болельщиков никаких позитивных действий провести не удастся. Тем временем объединение доказало, что может быть иначе, став одной из немногих организаций, которая принесла на польские стадионы реальные изменения.

Теперь на матчах первой и второй футбольных лиг расистская символика появляется очень редко. И хотя в более низких соревновательных группах дела пока обстоят несколько хуже, но и там прогресс заметен. Разумеется, бывают случаи недопустимого поведения вроде подвываний и выкриков по адресу чернокожих футболистов или скандирования антисемитских лозунгов, но они скрупулезно регистрируются наблюдателями за матчами, которые подготовлены объединением («НБ» разработало также и издало совместно с ПФС брошюру о фашистской символике и различных формах проявления ультраправых идеологий на стадионах). Кроме того, случаются, к сожалению, такие диковинные события, как в мае 2010 г. в Жешуве, где несколько сот лжеболельщиков футбольного клуба «Ресовия» маршировали на стадион с транспарантом «Надвигается арийская орда», а на матче развернули большой баннер с надписью «Смерть горбоносим». Однако сейчас в подобных ситуациях почти всегда реагируют упомянутые наблюдатели, а на клубы, чьи болельщики позволяют себе расистские выходки, налагаются финансовые санкции. Разумеется, обоснован вопрос, достаточно ли эти ощутимы эти наказания. Надо работать над тем, чтобы взыскания, налагаемые на клубы, которые пренебрегают борьбой с расистскими инцидентами, были настолько болезненными, что склонили бы их к реальным предупредительным мерам и противодействию.

Непосредственной причиной начала очередной кампании «Никогда больше» были неожиданные и весьма негативные последствия молниеносного развития интернета. Именно туда

перебралась значительная часть ультраправой пропаганды. И если в 90-е годы существовало множество неонацистских, расистских, неофашистских газетенок, распространявшихся по почте, то уже несколько лет назад многие из них очутились в сети, а правая пропаганда самых радикальных оттенков функционирует прежде всего на интернет-страницах.

Чтобы противостоять этим угрозам, объединение начало программу «R@cism delete», задача которой — борьба с расизмом в интернете.

Эксперты, ведущие эту кампанию, проводят мониторинг интернета, вылавливая там праворадикальные интернет-страницы на польском языке, а затем вступают в контакт с владельцами серверов, на которых те находятся. Чаще всего владельцы просто не осознают, что благодаря предоставляемым ими услугам в сети ведется расистская либо фашистская пропаганда. В большинстве случаев хватает нескольких контактов с ними, чтобы инкриминируемая страница исчезла с сервера. Если же никакой ответной реакции нет, предпринимаются новые шаги, вплоть до юридических.

Часть подобных «страниц ненависти» перебазировались на зарубежные серверы. Ими занимаются иностранные партнеры «Никогда больше», сгруппированные, как и объединение «НБ», в сети INACH («International Network Against Cyber Hate») различных организаций, которые занимаются борьбой с расизмом в интернете.

В рамках кампании «R@cism delete» удалось закрыть несколько сот крайне правых сайтов на польском языке. Таким образом, это совсем другой масштаб, чем в случае других организаций, занимающих деятельностью похожего характера. По данным координатора кампании, теперь самой крупной проблемой в пределах интернета стали общедоступные порталы «Дискуссии», которые там появляются, часто оказываются весьма радикальными, антисемитскими, расистскими. Причем высказывания подобного рода не блокируются и не удаляются модераторами.

С января 2009 г. «Никогда больше» и работающая в стиле street-art группа «3-Fala» («3-Волна») ведут общепольскую кампанию против безнаказанной продажи фирмой «Аллегро», самым большим аукционным интернет-сервисом в Польше, производимых в наше время неофашистских и расистских пропагандистских материалов. Призыв по этому вопросу уже поддержали тысячи лиц, в том числе представители мира

науки и политики, деятели неправительственных организаций, творческие люди.

Речь при этом идет не об изъятии из «Аллегро» сувениров периода Второй Мировой войны. Они могут иметь историческую ценность и оставаться доступными для коллекционеров. Однако по меньшей мере странно выглядит изготовление и продажа под прикрытием «коллекционерства» продуктов неонацистской пропаганды: дисков, печатных изданий, маек и гаджетов со свастиками, портретами Гитлера и символикой СС.

Кампания «Никогда больше нацизма на “Аллегро”!» оказалась замеченной не только в Польше, но и за ее границами, о чем свидетельствуют обычные и электронные письма, а также газетные статьи. Ей предоставил свое содействие, в частности, немецкий Институт прикладной истории. Однако в первую очередь эту кампанию встретила большая поддержка на родине, о чем свидетельствует тот факт, что только в течение одной недели марта 2010 г. акции под этим лозунгом состоялись почти в двух десятках городов Польши.

Ничуть не менее эффектно протекала акция по сбору подписей под протестом против продажи фирмой «Рух» — крупнейшим отечественным распространителем прессы, который, как уже указывалось, до недавнего времени был акционерным обществом государственного казначейства, — печатной продукции антисемитского и расистского характера. За короткое время объединению удалось собрать почти десять тысяч подписей, которые были переданы руководству «Руха».

В обоих последних примерах цели проводимых акций остаются пока еще не достигнутыми, но выдержка и последовательность, с какой «Никогда больше» вело до сих пор свои действия, позволяют предполагать, что это лишь вопрос времени.

С момента своего возникновения объединение открыто для партнерского сотрудничества со всеми, кто не приемлет ксенофобию и неофашизм. Оно взаимодействует со СМИ, организациями различных меньшинств, религиозными общинами, кругами людей с ограниченными возможностями, организациями ветеранов войны, научными учреждениями, профсоюзами, общественно-политическими организациями. Участвовало «НБ», в частности, и в создании «Коалиции против “Всепольской молодежи”» — уже упоминавшейся крайне правой организации, которая на парламентских выборах 2005 г. провела в сейм по спискам «Лиги польских семей» десять своих бывших и нынешних членов — и в

формировании инициативной группы «Гертых должен уйти» (Роман Гертых — это бывший лидер «Всепольской молодежи» и ЛПС, который в правительственной коалиции с Пис и партией «Самооборона» стал... министром национального образования), а также в рождении «Коалиции против антисемитизма».

«Никогда больше» ведет, кроме того, весьма интенсивную деятельность на международных форумах. Объединение сотрудничает с такими международными организациями, как Совет Европы, ООН, ОБСЕ. Оно активно участвует в международных антирасистских сетях: «United for Intercultural Action», «International Network against Cyber Hate», «Football against Racism in Europe», «Helsinki Citizens' Assembly», «Anti-fascist Network for Research and Education». В сотрудничестве с этими партнерами оно проводило многочисленные международные конференции и семинары в Польше и во всём мире. В 2008 г.» вместе с немецкой организацией «С точки зрения жертв» и варшавским вузом Collegium Civitas объединение начало международные исследования преступности на расистской почве под названием «Нетерпимость убивает», которые были продолжены в 2010 г. в составе совместной программы, реализовавшейся при соучастии «С точки зрения жертв» и немецкого фонда «Память, ответственность и будущее».

Как член-учредитель организации «Football Against Racism in Europe» объединение стало лауреатом премии «Освободи свой разум», вручаемой телеканалом MTV-Europe, а также премии Жана Кана, которая установлена Европейским центром мониторинга расизма и ксенофобии в Вене. Оно получило также медаль «За заслуги для толерантности», вручаемую экуменическим фондом «Толерантность», и медаль XV летия Большого оркестра праздничной помощи Ежи Овсяка за многолетнее участие в совместных действиях. Объединение также выдвигалось на премию им. Серхио Вейра де Мельо.

В заключение есть смысл подчеркнуть еще два существенных аспекта деятельности «Никогда больше». Во-первых, создатели этого объединения с самых первых дней его существования подчеркивают, что у них нет ни малейших притязаний выставлять свои действия как нечто исключительное и уж тем более новаторское. Совсем наоборот, они открыто говорят, что в первую очередь творчески применили многие образцы, почерпнутые от западных партнеров.

И действительно, «Музыка против расизма» была вдохновлена британской кампанией конца 70 х «Rock Against Racism» («Рок

против расизма»), которую организовал классик панк-рока Том Робинсон. Подобным же образом было с футбольными акциями. И здесь «НБ» энергично пользовалось британскими и немецкими образцами. Да и журнал «Никогда больше», который составляет очень важный элемент деятельности объединения «НБ», тоже черпал много идей и вдохновение из английского месячника «Сёрчлайт» («Прожектор»), который выходит уже несколько десятков лет и является самым важным изданием этого типа в мире. Кроме того, немалое влияние оказали шведская организация «Экспо» и одноименный журнал, основанные прославленным ныне Стигом Ларссоном, автором трилогии «Миллениум», если говорить о создании и о формуле деятельности печатного органа, который не должен быть узко политическим, а скорее характеризоваться аполитичностью и общесоциальной направленностью. Как заявляют сами члены «Никогда больше», «если только мы занимаем по отношению к расизму подобную позицию, то можем сотрудничать независимо от политических симпатий. Мы выражаем разнообразные политические взгляды, но при этом не разобщены».

Во-вторых, «НБ» ставит себе в качестве долгосрочной цели укрепление сотрудничества со странами Центральной и Восточной Европы, а также распространение в них своего опыта. Главным элементом, служащим осуществлению этих планов, было создание в Варшаве в октябре 2009 г. Центра мониторинга расизма в Восточной Европе. Задача Центра — исследование и документирование проявлений расизма, антисемитизма и ксенофобии в регионе, с особым упором на Польшу и Украину. Центр представляет собой элемент трехлетнего восточноевропейского проекта FARE, который пользуется поддержкой УЕФА в рамках подготовки к чемпионату Европы 2012 года. Помимо мониторинга, этот проект охватывает антирасистскую деятельность по просвещению и вмешательству в Польше, на Украине, в Словакии и Венгрии. Территорией действий в рамках данного проекта являются также Румыния, Болгария, Россия, Белоруссия и Молдавия. Объединение «Никогда больше» как официальный партнер УЕФА отвечает за координацию проекта в целом.

Один из лидеров объединения «Никогда больше» в интервью, которое он дал в ноябре 2010 г. журналу «Мидраш» — общественно-культурному ежемесячнику, посвященному жизни евреев в Польше и за ее рубежами, — отвечая на вопрос, как выглядит Польша под углом борьбы с идеологиями ультраправых сил на фоне других стран в этой части Европы,

отметил: «По сравнению с Германией — слабо. Там и настрой государства по отношению к идеологии правых радикалов, и проведение в жизнь положений законодательства выглядят совсем по-другому. А вот на фоне России или Украины мы чувствуем себя неплохо. Особенно России, но нужно помнить, что это огромная страна, а оттого и масштаб ее проблем больше. С учетом всех пропорций можно сказать, что в Польше десять-пятнадцать лет назад было не намного лучше, чем теперь в России. Не хочу проявлять ложную скромность, а потому искренне скажу, что, по моему мнению, это улучшение в значительной мере является результатом деятельности нашего объединения. В настоящее время у нас есть большой опыт, который можно перенести в Россию, а также в другие страны и использовать там».

Станислав Стабро

СТИХОТВОРЕНИЯ

У стены плача

Так много лет

тысячи километров

я шёл

к тебе

Боже Авраама Исаака

Иакова

и Рахили.

На обороте

порванного билета

Краков — Варшава

я пишу

«Не прошу тебя ни о чём»

ведь я уже всё

получил

солнечный жар

пот жизни

стада верблюдов

и страдания овец

боль Иова

радость странствия

с пророком-хасидом

в гербе

со щелью стены
перед которой я плакал
в детских снах.
Они качаются в своих ермолках и талесах
колышется псалом Давида
в тёмной долине
скитаний.

Гефсимания

У замурованных Золотых Ворот
я жду Мессию
из детства
из комнатки где преподавали Закон Божий
над хоральным аккордом
органа
я здесь
через пятьдесят лет
чтоб коснуться
Голгофы
как сквозь века
ты едешь сейчас
на осле
дрожит вибрирует
песня
стучит копытце
в мои ворота.

* * *

Для тебя

эта песнь любви в старых декорациях

молитва Травиаты и Нормы

итальянское пиано крещендо

пианиссимо с холмов Тосканы.

Для тебя

эта песнь любви под небом Юга

град дождь и ветер

бьющие в пыльные окна

не с холмов Тосканы.

Для тебя

эта песнь любви хотя стих

не должен описывать музыку

вьюгу нот

которой не дал мне Бог.

Это юность идёт

Это юность идёт

в высоких шапках рюкзаков

в хихиканье торопливой любви

в коитусе в углу

вагона.

Это юность идёт

не зная

что всего лишь поёт

старую песню

на новый лад.

Майкл Джексон с партией
партия с Майклом Джексонем
Мадонна финита эст.

В гландах скинах
и МТВ
юность идёт уверенная
что избежит
неизбежного.

Безумный интернавт

Моя дочь не любит группу «Роллинг стоунз»
не жаждет запретных плодов
с древа моей юности
в объятьях интернета
она уплывает туда
где мне за ней не угнаться
хоть я объехал землю
семь раз
через семь гор
безумный интернавт.

Что я здесь делаю

Темнота за окном
разворачивает плащ
согревает взгляды
воспоминания
вжимают голову
в воротник

что я здесь делаю
мсье Бодлер
окопавшись в
бункере молодости
пишу новый
«Краковский сплин»?
милуюсь с одной
из красоток
мулаткой Жанной Дюваль
с островов воображения?

Тёмная чашка

Тёмная чашка
кофе и солнца
в чужом городе
подношу её к утренним
губам
облатка ностальгии
в память о поэзии
которая меня
покинула

Урок

Неправда что любовь одна на всю жизнь
Неправда что против белого только чёрное
Неправда что герой всегда бесстрашен
Неправда что стихи донесут послание.
Неправда что катастрофу можно отменить

Неправда что разлука помнит о встрече

Неправда что солнце только греет

А леса и луга всегда на месте.

Неправда что кто-то уникален даже на фоне
миллиона

Неправда что вера сдвигает горы и долины

Неправда что дневной свет защищает от ночи

И можно дважды войти в один и тот же дом.

Неправда что я был первым учеником в классе.

Они мне больше не братья

Они мне больше не братья

их трусливая плоть

вызывает лишь омерзение

их болтливые рты

для меня абсолютно немы

я на самом деле не знаю

что теперь делать с правдой —

одинокая правда

притягивает страх

* * *

Самый глупый, самый наивный из народов Земли,

верит в лозунги и златоустых Богов,

в час испытаний прячется

за крепостной стеной молитвы,

презирает простодушных, воздаёт почести
прохвостам,

в изгнании, в камере, в карцере, у стенки —

народ, пьяный в дым,
вповалку спит на глинобитном полу
национального овина.

* * *

Другие придут и скажут
то чего мы сказать не сумели
у всякой ночи свой рассвет
у отчаяния — своя надежда
любая смерть — крик который её прерывает
любая слеза — лес который её поглощает
у всякого страха свой гнев
у молчания — свой конец.

В ТЕНИ ВОЗМОЖНОЙ КАТАСТРОФЫ

Поэта Станислава Стабро (р. 1948) причисляют к кругу «поколения-68», точнее — той формации, которая получила в критике название «Новая волна» (среди ее создателей: Станислав Баранчак, Юлиан Корнхаузер, Рышард Крыницкий, Адам Загаевский). Стабро был членом основанной в конце 60-х краковской поэтической группы «Тераз» («Теперь»). Дебютировал в 1973 г. книгой стихов «Реквием». Он также литературный критик и историк литературы, научный сотрудник Ягеллонского университета.

Его последний сборник «Глаз Теры» (2008) отсылает, по-видимому, к финалу «Морального трактата» Милоша («перед нами — “Сердце тьмы”»). Взрыв вулкана на острове Тера (Санторини) был, по мнению исследователей, причиной казней египетских, а в стихотворении, давшем название книге, при описании путешествия с возлюбленной по Эгейскому морю, поэт (да, поэт, а не «лирический субъект») предупреждает:

мы плывём к центру

взрыва

перед нами

глаз Теры.

Стабро, как и в предыдущих своих книгах, последовательно придерживается здесь катастрофического видения. Однако это своего рода классицистический катастрофизм, как в свое время в поэзии Ежи Загурского, ровесника Милоша, который после войны напоминал, что «латинский якорь еще пригодится», писал, что Европа воспрянет от варварства и упадка. Тут нечто похожее — как в финале посвященного дочери стихотворения «Минойка из Ретимнона»: «Глаз Теры / позади».

В то же время картинки путешествий по греческим пространствам кажутся попыткой оживить корни культуры, затронутой варварскими, снижающими ее значение ритуалами («шлам-поэтри» — издевательская переделка «slam poetry» — из стихотворения «После конца света» или

«Аpocalypse now» в финале «Поп-звёздочки»). По сути дела, в лирике Стабро остаются в силе строки, написанные в семидесятые годы, о том, что «стране нужны заводы и не нужны поэты». Мы тонем — это слова из последней книги — «занесенные метелью слов / не значащих / уже ничего». Всё более акцентирован образ сжимающегося пространства гуманизма, подчинения человека силе, которую Виткаций определял как божество непосредственной полезности, отнимающее дар метафизической рефлексии.

Один из важных мотивов новых стихов краковского поэта — память о Катастрофе еврейского народа. Ее неизбежное присутствие удачней всего выражено, пожалуй, в стихотворении «Рядом с алхимией»: «Рядом с “Алхимией” / над штетлом / всходит месяц. (...) Завтра хасидским путём / мы пойдём / в Бобову» («Алхимия» — название кинотеатра или кафе, Бобова — городок, некогда центр хасидизма на юго-востоке Польши). Память о Катастрофе здесь — не только апелляция к прошлому, но и основа категорического императива этой поэзии — сочувствия отверженным и гонимым. «Уже едет карета мастеров / темноты» — нас вновь подстерегает мрачное будущее, контур которого эта поэзия, оставаясь верной позиции, выраженной в ранних стихах, стремится распознать в знаках современности.

КОНЕЦ СВОЕВОЛИЮ

Объявления о введении военного положения начали расклеивать на углах городских улиц Царства Польского на рассвете 14 октября 1861 года. Указ вручали заспанным домовладельцам под расписку. Таким образом, предпринимавшиеся ранее попытки путем пассивного сопротивления вынудить власти провести политические реформы закончились.

Наместник Царства Польского граф Карл Карлович Ламберт принимал это решение с тяжелым сердцем. Почти за месяц до этого он отправил царю телеграмму с просьбой отложить решение. «Агитаторы, — писал он, — только и хотят вывести нас из терпения». В ответ монарх предостерег своего наместника от злоупотребления этим терпением, выражая опасение, что поляки воспримут чрезмерную снисходительность как «слабость и отсутствие решительности».

Погибший 20 лет спустя Александр II считался самым большим либералом среди царей, который чуть было не преобразовал самодержавную империю в современное государство и даже одарил своих подданных неким подобием самоуправления. Однако по отношению к полякам император никогда не намеревался быть либералом. Еще во время своего первого визита в Варшаву в 1856 г. он произнес свои знаменитые слова: «Никаких иллюзий, господа», — и поступал в дальнейшем вполне последовательно: реформы, проводившиеся в России, не распространялись на польские земли.

Однако в 1860–1861 гг. устремления и притязания поляков внезапно и резко усилились, и местные власти доносили в Петербург, что могут быть даже необходимы некоторые уступки. Патриотические манифестации происходили почти ежедневно, над толпой реяли флаги с польским орлом и литовской «Погоней», жандармов встречали бранью и свистом. Готовились петиции по поводу созыва национального представительства (что-то вроде Сейма) и объединения Царства Польского с «отторгнутыми землями», то есть Литвой и Русью.

С точки зрения Петербурга это были недопустимые ожидания. Так что граф Ламберт оказался между молотом и наковальней: с одной стороны, у его монарха возникали подозрения в том, что графу «не хватает решительности», а с другой стороны, общество поднимало голову после 30 лет российской оккупации. Всего лишь за четыре дня до этого, 10 октября, граф планировал, что он как католик примет участие в торжественных похоронах архиепископа Фиалковского. Однако, когда ему донесли, что многотысячная толпа не только распевает «запрещенные гимны», но и несет польские знамена и даже польскую и литовскую короны, граф снял мундир и из окна Королевского замка в бессилии наблюдал за движением похоронного шествия, направлявшегося к кафедральному собору в Старом городе. А когда кто-то из польских блюстителей порядка заявил, что есть распоряжение о том, чтобы окна в домах по маршруту следования похоронного шествия были закрыты, граф, как говорили потом, встал и посреди «гробового молчания» русских офицеров закрыл окно.

Национальный «фестиваль» начался в Варшаве в июне 1860 г. с похорон вдовы генерала Совинского, легендарного защитника города в 1831 году. Затем он распространился на всю территорию Царства Польского и вышел за его пределы: в Галицию, в Великое княжество Познанское и на «отторгнутые земли». Манифестанты использовали в качестве защиты авторитет Церкви: польские флаги развевались в толпе, направлявшейся в религиозной или похоронной процессии, раздавались восклицания «Еще Польша не погибла!», распевались патриотические песни, прежде всего «Боже, Ты, что Польшу...» вместе с дописанной новой строкой подрывного характера «Свободную отчизну верни нам, Господи».

29 ноября 1860 г., отмечая круглую годовщину последнего восстания, распевала и молилась за родину уже вся Польша. Появились листовки и призывы, которые распространяли пока что разрозненные оппозиционные кружки патриотической молодежи. Войска и жандармерия, собственно, не вмешивались до 25 февраля следующего года. В тот день после великопостного богослужения к костелу на ул. Фрета в Варшаве подъехала подвода с мусором, в котором были спрятаны знамена с орлом и «Погоней».

К толпе присоединилось несколько десятков молодых людей с факелами, после чего все направились в сторону Рыночной площади с пением молитвы «Святый Боже». «Открывались окна, из которых дамы бросали в толпу идущих венки, цветы и т.п.». Группа молодых людей, стоявших возле магазина винной

торговли Фукера, скандировала: «Гарибальди! Третье Мая! Долой москалей!» На Рыночной площади дорогу толпе преградил начальник жандармерии Трепов, однако его встретили свистом и бранью, и даже, как распевали на следующий день в городе, он «у фонтана в морду получил». Однако вскоре появились конные жандармы и силой разогнали манифестантов, арестовав около 30 человек.

Спустя два дня такое же шествие с крестом, хоругвями и иконой Богоматери было задержано на Замковой площади ротой пехоты, в которую полетели камни и комья смерзшегося снега. Когда командовавший русскими генерал Заблоцкий получил чем-то подобным по спине, он отдал приказ стрелять. Прозвучал один залп, пали пятеро убитых. Власти, осознав, сколь велико возмущение общества, оказались в панике. Наместник, тогда еще граф Горчаков, принял петицию с требованием провести реформы, подписанную 142 представителями шляхты, духовенства и зажиточных горожан. Через несколько часов он получил от царя, находившегося в совершенной ярости, телеграмму с требованием не передавать ему никаких петиций и ничего не обещать полякам. Испуганный наместник отвел жандармов и войска с улиц и одновременно отправил телеграмму, требуя дополнительных сил и пугая восстанием, которое могло вспыхнуть в любую минуту.

Настали так называемые польские времена. В похоронах пяти убитых манифестантов участвовало несколько десятков тысяч человек, в том числе пасторы, раввины и группа словаков в национальных костюмах — поляки сочли их за делегацию побратимов-венгров, с которыми вместе сражались против русских в 1849 году. Возникла национальная мода: дамы прикрепляли брошки и заколки с орлом и «Погоней», мужчины стали носить конфедератки, куртки-венгерки и заправлять брюки в сапоги (знак польского облика), а по особым случаям еще и надевали кунтуши и повязывали малиновые галстуки. Чиновникам, о которых было известно, что они проявляют лояльность к русским, устраивали под окнами «кошачьи концерты», по окончании которых в окна летели камни. Во время богослужений собирались огромные суммы «на отечество», собранные средства использовались, в частности, чтобы отмечать различные годовщины (началась также тайная закупка оружия).

Когда отмечались годовщины (тех или иных польских побед и поражений), рекомендовалось закрывать магазины и надевать национальные костюмы или национальный траур (торговцам

компенсировали потери, а те, кто противился, рисковали тем, что придется вставлять в витрины новые стекла). В российские праздники (например, тезоимениства членов царской семьи) рекомендовалось не закрывать магазинов, хотя власти требовали закрывать. Царь назначил маркиза Велёпольского — единственного польского аристократа, склонного принять на себя такую миссию, — директором Комиссии духовных дел и народного просвещения. Началась полонизация школы и органов администрации. Стратегия пассивного сопротивления казалась успешной, отчаянная решимость польского общества явно производила на русских впечатление. К сожалению, чаяния польского общества — не только радикальных «красных», но и умеренных «белых» — выходили за границы того, что царь считал окончательным максимумом уступок. В Петербурге это понимали гораздо лучше, пожалуй, чем в Варшаве, которая несмотря на многочисленные горькие уроки продолжала жить мечтаньями о восстановлении (по крайней мере) конституции и объединении Царства Польского с землями, расположенными к востоку от Буга.

Конец «венецианского карнавала» в столице наступил 8 апреля: тогда вновь стреляли в демонстрацию, которая более полутора часов не желала разойтись с Замковой площади. Манифестанты, однако, не разбежались, но под возгласы «Погибнем за родину!» опускались на колени и продолжали петь. Русские произвели несколько залпов, убив около двухсот человек. Варшава отреагировала трауром, провинция — усилившимися беспорядками.

Город Калиш вынужден был покинуть начальник уезда Едлинский, опасаясь линчевания; в других местах громили кабинеты ненавистных чиновников и выбивали стекла у них в домах. Власти опять пребывали в нерешительности; в июне царь издал указ о созыве Государственного Совета и выборах в городские и уездные советы.

После Горчакова обязанности наместника были возложены на генерала Сухозанета, сторонника жестких методов, который, однако, оказался в конфликте с Велёпольским, и его заменил граф Ламберт. Тот надеялся, что беспокойные настроения в обществе улягутся после выборов, которые фактически состоялись в конце сентября — начале октября в условиях крайне ограниченного избирательного ценза: число голосующих во всем Царстве Польском составило около 20 тыс. человек; настроения не улеглись.

После манифестаций по случаю годовщины унии с Литвой и после похорон архиепископа Фиалковского было объявлено, что

15 октября будет отмечаться в общенациональном масштабе годовщина смерти Костюшко. Днем ранее было объявлено о введении военного положения: войска вышли на улицы, и большая часть функций гражданских судов перешла к ним, было запрещено собираться группами более трех человек и выходить на улицу с наступлением темноты без фонаря, а также выступать публично с «подстрекательскими» речами, издавать и распространять «подстрекательские воззвания» и т.п.

Однако листовки, воззвания и бунтарские призывы кружили по Варшаве, призывая жителей принять участие в молебнах за душу Тадеуша Костюшко, которые должны были пройти в главных костелах, а также в синагогах на Даниловичовской ул. и на Налевках. Граф Ламберт отдал приказ военным брать под арест всех мужчин при выходе из костелов, в которых будут петь «запрещенные гимны». 15 октября было арестовано более двухсот человек, остальным удалось скрыться.

Но из трех костелов — кафедрального собора, св. Анны и св. Креста — люди не выходили: они молились и пели допоздна, а потом начали готовиться ко сну здесь же на полу, выставив у дверей и у окон стражу. Возле костелов солдаты разожгли костры, ожидая приказа. После совещания в Королевском замке, продолжавшегося до полуночи, русские генералы приняли решение в костелы не входить и ждать до тех пор, пока находящиеся в них поляки в конце концов сами не выйдут, а тогда арестовать мужчин. Вскоре, однако, агенты донесли наместнику, что на следующее утро готовится большой крестный ход, который направится либо к Замку с призывами освободить запертых в костелах, либо прямо к осажденным костелам. Предполагая, что в таком случае неизбежно дойдет до конфронтации с войсками и резни, граф Ламберт приказал немедленно освободить осажденные костелы от находившихся в них людей. Около четырех часов утра у кафедрального собора совещались пятеро русских генералов: одним хотелось употребить силу, другим ситуация представлялась крайне неприятной.

Оказавшись внутри, солдаты (которым было приказано снять шапки) видят катафалк с водруженным на него большим портретом Костюшко, и массу людей, которые при виде солдат падают на колени и молятся. Никто не реагирует на приказ всем мужчинам покинуть костел. Тогда солдаты силой выволакивают их из толпы, причем некоторые пытаются сопротивляться, и их избивают; всё это происходит под пронзительный колокольный звон, с которым русским долго не

удается справиться, так как их не пропускает к колокольне плотная стена поляков.

На рассвете 16 октября кафедральный собор и костел св. Анны были очищены от людей, но когда были выломаны двери в костел св. Креста, оказалось, что собравшиеся там выбрались через боковой выход, ведущий в сад. В Цитадель попало 1678 новых узников.

На следующий день в Варшавском архиепископстве было принято беспрецедентное решение закрыть все костелы и часовни в городе до момента, пока власти не дадут гарантий, что «храмы не подвергнутся впредь подобному оскорблению». После беседы с администратором епархии ксендзом Бялобжеским граф Ламберт приказал начальнику Цитадели освободить «менее виновных». Эту загадочную инструкцию начальник истолковал хорошо известным ему способом: освободил всех, кто смог дать взятку. На свободе оказались все конспираторы и организаторы манифестаций, схваченные случайно в обоих костелах. Узнав об этом, в замок прибыл с протестом генерал-губернатор Варшавы, сторонник жестких мер генерал Герштенцвейг. Впоследствии возникло предположение, что во время разговора без свидетелей между генералами дело дошло до скандала, в результате которого они решились на так называемую американскую дуэль, то есть тянули жребий, кто должен застрелиться.

Такое предположение вполне обосновано: будучи высокопоставленными чиновниками, наместник и губернатор не могли участвовать в «обычной» дуэли, ибо это было строго запрещено, но как дворяне не могли и отказаться от дуэли, если честь кого-то из них была задета; кончилось тем, что Герштенцвейг на следующий день в семь часов утра застрелился, а Ламберт ушел в отставку.

На третий день военного положения руководители партии «красных», целью которых были радикальные общественные реформы и прежде всего восстание против России, сформировали в Варшаве Комитет движения, который должен был возглавить заговорщицкую организацию, охватывающую все польские земли, оккупированные Россией.

Должность наместника занял ненавистный генерал Сухозанет, а затем — генерал Людерс, который был ранее отправлен в отставку за финансовые злоупотребления. По всей стране прокатилась волна арестов за нарушение законов военного положения, в том числе за появление на улицах в темное время суток без фонаря, за ношение малинового галстука или

конфедератки, а также «национальной» бижутерии, особенно украшенной символикой «с белой птицей (т.е. орлом) на красном фоне».

Тюрьмы в провинции вскоре были переполнены, и возникла необходимость устраивать временные арестантские помещения в учреждениях, выделялись особые помещения для дам «из общества». Среди них особенно яростно преследовались траурные одежды (вдовам приходилось предъявлять специальные справки о смерти мужей); было введено эмбарго на торговлю элегантными черными тканями. Поскольку ожидаемая отмена крепостного права не наступала, крестьяне во многих местах начинали бунтовать и отказывались выполнять свои феодальные повинности.

Протестуя против порядков военного положения, ушел в отставку маркиз Велёпольский — единственный серьезный польский политик, который после ноябрьского восстания был склонен сотрудничать с царским режимом. Как ни парадоксально, но этот жест принес ему наибольшую за всю его карьеру популярность. В феврале на компромисс с властями пошла католическая Церковь: после переговоров в Ватикане Папа назначил нового архиепископа и поручил заново открыть храмы. Новый архиепископ занял примиренческую позицию, за что был освистан во время мессы.

В мае 1862 г. царь изменил мнение: он назначил наместником своего брата Константина, известного своими либеральными (в понимании династии Романовых) взглядами, а Велёпольский возглавил гражданское правительство Царства Польского. Строгости военного положения были отменены, за этим последовала ускоренная полонизация школы и органов администрации. Однако деспотичный маркиз не сумел создать вокруг себя партию: даже умеренные «белые» относились к нему неприязненно — это в лучшем случае, а в худшем — как к предателю.

В это время «красные» — руководимые Центральным национальным комитетом — располагали уже тайной организацией, охватывавшей всю страну, запасами оружия и контактами с русскими революционерами, на помощь которых они рассчитывали, если вспыхнет борьба.

Через 15 месяцев после введения военного положения, в ночь с 14 на 15 января 1863 г., русские провели в Варшаве рекрутский набор, задуманный как облава на членов заговорщицкой организации. На следующий день было принято решение о

начале восстания. Очередное военное положение в Царстве Польском продолжалось более полувека.

С МЫСЛЬЮ О БУДУЩЕМ

Выход на польские экраны блокбастера «Варшавская битва. 1920 год» киноваталиста Ежи Гофмана в очередной раз привлёк внимание к одной из болезненных тем в российско-польских отношениях — польско-советской войне. Эту войну, рамки которой также отличают суждения историков обеих стран, чаще всего называли «необъявленной» или «неизвестной». В первую декаду нынешнего века исчезло ещё одно определение — «забытая». В 1990-е годы появилось множество публикаций в России и Польше (а также за рубежом этих стран), касающихся хода этого военного конфликта, но ещё больше — обстоятельств пленения красноармейцев, их содержания в лагерях для военнопленных и дальнейших судеб.

Патриарх польского кино не собирался снимать картину о польско-советской войне, так как был погружен в подготовительную работу над фильмом о своем детстве в Сибири, куда была сослана его семья. Подвернулся случай. Предложили солидный задаток финансирования, если режиссер возьмется за Варшавскую битву. Упускать такое не хотелось, тем более что этой темы кино по-настоящему и не касалось. Уже после окончания съемок мне удалось побеседовать с Ежи Гофманом, который любезно показал несколько впечатляющих эпизодов. Художественная лента уже становилась «исторической», поскольку впервые в Европе снималась в технологии 3D. «Будет ли это соль на исторические раны?», — не удержался я от вопроса. Со свойственной ему энергией Гофман тут же решительно ответил: «Я не собирался снимать антирусскую картину и не считаю нужным разжигать страсти. Но этот фильм, несомненно, антибольшевистский и антикоммунистический, а антигерои есть с обеих сторон. Учебником же истории его ни в коем случае считать нельзя».

Задача рецензировать фильм передо мной не стоит, поэтому скажу лишь, что красной нитью проходит история любви уланы и артистки, что вполне отвечает методам художественного воплощения исторического события. А центральным пунктом исторического события стало сражение под Варшавой в августе 1920 г., в котором потерпели поражение части Красной армии под командованием Михаила Тухачевского. В польской историографии это победное для поляков за три последних века сражение получило название «Чудо на Висле», хотя

против такого определения выступают не только многие историки. Не принимали его и близкие соратники Юзефа Пилсудского. Для советских же войск это «чудо» обернулось трагедией: 25 тысяч красноармейцев погибли, более 130 тысяч попали в плен, и почти половина из них (или меньше — цифры оспариваются до сих пор) умерла в польских лагерях.

«Варшавская битва» Гофмана о последствиях не рассказывает. А именно судьба военнопленных и стала в последние два десятилетия предметом острых российско-польских дискуссий.

С премьерой фильма о ключевом сражении польско-советской войны сошлись во времени дебаты, организованные Польским институтом международных дел под названием: «Военнопленные войны 1920 года — спор об истории с мыслью о будущем». Место было выбрано весьма подходящее — варшавский кинотеатр «Культура» напротив президентского дворца. Это как бы заранее настраивало на уважительный обмен мнениями и подчеркивало высокий статус. К тому же дало возможность предварить дискуссию документальным фильмом Анны Ференс «Что могут мертвые военнопленные». Такое неожиданное вступление образно ввело в тему, тем более что в фильме были представлены не только архивные материалы, но и высказывания польских и российских экспертов. Что же касается главных героев дискуссии, то их имена говорят сами за себя: Геннадий Матвеев — профессор Московского государственного университета им. Михаила Ломоносова и Збигнев Карпус — профессор университета им. Николая Коперника в Торуни. Оба — известные авторитеты обсуждаемой проблемы. Зная этих ученых, преподаватель истории Польши Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук Любовь Козик предвосхитила их полемику: «Это будет битва титанов». И доцент из Минска не ошиблась.

Тут я сделаю отступление и добавлю свое вступление, которое, как думается, поможет уяснить составляющие разногласий.

Долгое время эхо войны 1920 г. доносило до меня и моих соотечественников кавалерийские песни, из которых в сознание вошли «панская Польша» и «белополяки». И больше ничего. После 1989 г., когда в Польше начались радикальные общественные и политические преобразования, стали прорисовываться контуры той самой «неизвестной войны». Но больше было слухов. Самый устойчивый: никаких документов не сохранилось. А если что-то и есть, то поляки их не откроют.

Проработав пару лет в Польше в качестве корреспондента газеты «Московские новости», я неожиданно сумел познакомиться с документами польского Центрального военного архива (ЦВА) в Рембертове. А следует сказать, что 27 апреля 1992 г. в Варшаве было подписано соглашение о сотрудничестве между российским Комитетом по делам архивов и польской Генеральной дирекцией государственных архивов. Одна из десяти его статей гласила (цитирую по сохранившейся у меня копии этого документа): «Стороны будут способствовать выявлению в архивах другой стороны документов по истории России и Польши, а также по истории взаимоотношений между двумя странами. Стороны будут осуществлять обмен копиями выявленных документов на приемлемых для них условиях».

И вот у меня в руках несколько документов, копии которых — около 6 тыс. страниц — уже тогда, по горячим следам после соглашения, были подготовлены для передачи российским историкам. Это были общие списки, учетные карточки, акты регистрации смерти, протоколы передачи и обмена военнопленными. В них было уже около 12 тысяч фамилий, а первая партия должна была насчитывать свыше 20 тысяч, обработкой чего и занимались польские военные архивисты. В основном речь шла о молодых людях, родившихся в последнее десятилетие XIX века. По документам, для многих из них последним пристанищем стал госпиталь в лагере для военнопленных в Тухоле (Быдгоцское воеводство). Об этом свидетельствовали акты регистрации смерти, объединенные общим грифом «военнопленный большевик». Другие скончались при разных перемещениях. Но немало зафиксировано случаев, когда «военнопленные большевики» направлялись на работу в сельское хозяйство, военные и гражданские учреждения. Хочу обратить внимание на одну удивившую деталь. «Большевики» из всей массы военнопленных выделялись как само собой разумеющееся в отдельную категорию. Даже при захоронении. К примеру, на надгробной плите, установленной на братской могиле военнопленных, умерших в лагере Тухоль в 1920–1921 гг., отчетливо выбито: РУССКИЕ И БОЛЬШЕВИКИ.

Помню, как начальник ЦВА полковник Анджей Бартник, без всяких согласований сразу откликнувшись на мою просьбу о встрече, сказал, что интересующие нас документы находятся в разделе «Польско-российская война 1919–1920». 180 метров — такова была общая длина ряда установленных вертикально архивных полок. Об этой войне раньше писать было не принято. Тогда полковник Бартник и работавший с ним

историк Тадеуш Вавжинский объяснили мне это так: хорошим тоном считалось не напоминать «советским друзьям» о кличе «Даешь Варшаву!» и поражении Красной армии. Еще один польский военный историк, полковник Марек Тарчинский писал в статье «Судьба российских военнопленных, взятых в польский плен в 1920 г.», опубликованной в сохранившейся у меня газете Войска Польского «Польска збройна» («Вооруженная Польша», 12–14 окт. 1990): «Судьба российских военнопленных, взятых в польский плен в 1919–1920 годах, не дождалась никакого основательного изучения. Повод был достаточно очевидный — вся проблематика войны 1920 г. находилась под запретом как следствие идущих рекомендаций из Москвы, так и убежденности партийно-правительственного аппарата, что изучение войны 1920 г. может навредить добрососедским отношениям между ПНР и СССР». Напомню, что это было написано более двадцати лет назад. Ситуация, конечно же, изменилась, но тогда было именно так.

Мой тогдашний поход в ЦВА завершился статьей в «Московских новостях» (1992, №47) — «Судьбы “военнопленных большевиков”», которую частично вспоминаю. В этой же статье было обращено внимание на инертность российских историков и архивистов, не спешивших «проникать» в польские архивы, двери которых начали открываться благодаря двустороннему соглашению. А вот их польские коллеги немедленно им воспользовались, начав кропотливо работать в российских архивах самого разного уровня, получив даже доступ к материалам Лубянки. За несколько дней ими было скопировано 60 тыс. личных дел военнопленных и интернированных польских граждан. Кроме того, польской стороной были получены копии десятков документов, относящихся к послевоенной истории советско-польских отношений, проливающих свет как на партийных и государственных деятелей, так и на подоплеку некоторых политических событий. Взять хотя бы сенсационные свидетельства принадлежности Болеслава Берута и Владислава Гомулки к ВКП(б). Или письмо председателя Союза польских патриотов Ванды Василевской Сталину в ноябре 1943 г., в котором еще за год до создания Польского комитета национального освобождения предлагался состав будущего правительства Польши.

Вернемся к судьбам военнопленных 1920 года, которые в конце концов стали удостаиваться особого внимания и тщательного исследования. В Польше и России начали появляться статьи и научные работы, посвященные этой еще недавно закрытой проблематике. Наконец в 2004 г. вышел на русском языке

внушительный сборник документов и материалов «Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг.» (912 страниц с иллюстрированным приложением, ответственные составители — Геннадий Матвеев и Збигнев Карпус). В сборнике, как следует из аннотации, опубликованы документы из российских и польских архивов о численности российских пленных, об условиях их содержания в польских лагерях и рабочих командах, на пересыльных пунктах и во время конвоирования, об их смертности, заболеваемости, репатриации на родину, об отношении польского и советского военных ведомств к судьбам пленных, о деятельности международных, польских и российских общественных и благотворительных организаций. Представлены также документы о современном состоянии захоронений российских военнопленных в Польше.

Не буду останавливаться на этом долгожданном совместном российско-польском труде — его подробно представил Алексей Памятных в «Новой Польше» (2005, №10). Появилось ощущение, что пришедшие к общим выводам историки двух стран расставили, наконец, все точки над *i* в этой болезненной теме. Однако переходящие в спор дискуссии продолжаются. Нет взаимного согласия в вопросе о количестве погибших в польских лагерях. Проблема Катыни, которая всё более приобретает реальные измерения и близка к разрешению, уже не первый год настолько увязывается с пленными и погибшими красноармейцами, что судьба последних рассматривается некоторыми политиками и мнящими себя историками через призму пресловутой «Анти-Катыни» (об этом тоже неоднократно писала «Новая Польша»). Так же, как и игра судьбой военнопленных красноармейцев зачастую носит односторонний характер, подводя даже содержание военнопленных зимой в неотопливаемых помещениях под знаменатель «завуалированного уничтожения».

А «битва титанов» — профессоров Матвеева и Карпуса — в варшавском кинотеатре «Культура» получилась на редкость эмоциональной и бескомпромиссной. И если историки согласились в том, что проблеме придан чрезмерный политический характер, то в оценке числа плененных красноармейцев и количества тех, кто умер по причине плохих лагерных условий и болезней, никто не хотел уступать, базируя аргументы на собственных исследованиях. В 2004 г. обе стороны, проанализировав тысячи документов, сошлись на том, что в польском плену погибло не более 16–18 тыс. красноармейцев. Сейчас же профессор Матвеев стал поддерживать тезис, что погибло более 28 тыс. пленных. Это

породило у его польских коллег сомнения, которые стали следствием противопоставления темы умерших в плену большевиков и погибших от рук НКВД в 1940 году польских офицеров. «Уравновешивание жертв» польского плена и Катыни вызвало подозрение. Профессор Войцех Рошковский из Польской Академии наук, также участвовавший в дебатах, даже поставил под вопрос научную добросовестность московского коллеги.

«Подобные обвинения — это удар ниже пояса. Это ставит под сомнение доверие ко мне как к историку. Я не отрабатываю ничей заказ, я историк, а не политик. Мои утверждения вытекают из новых расчетов и документов», — реагировал профессор Матвеев. Он сослался на результаты исследований, которые помогли установить, что показатель смертности в лагерях был более высоким, чем предполагалось. К тому же и пленных было гораздо больше принятого раньше числа. Отсюда и больше смертей.

Профессор Збигнев Карпус оппонировал на примере Варшавской битвы: «Западные корреспонденты сообщали, что поляки взяли в плен 66 тыс. большевиков. В очередных статьях это число возросло даже до 90 тысяч. Когда же мы всё точно подсчитали, оказалось, что пленных было едва 41 тысяча. В других сражениях было подобно».

Расхождения коснулись также генезиса войны и ее представления. Матвеев утверждал, что «война была неизбежна, потому что территории, на которых развернулись сражения, нужны были одной и другой стороне». Польские историки настаивали на том, что «Советы напали на Польшу, чтобы навязать ей коммунизм и продолжить поход на Запад, в Германию, чтобы в конечном итоге захватить Европу». Московский профессор заметил, что Юзеф Пилсудский также готовился к нападению: «Он хотел подчинить Польше Литву, Украину и Белоруссию. Большевики не могли этого позволить. Так что обе стороны в равной степени ответственны за развязывание этой войны».

Недавний «варшавский спор» дал понять, что сохраняется потребность в объективных и взвешенных оценках всех обстоятельств, связанных с необъявленной польско-советской войной. В России возрос общественный интерес к судьбам своих соотечественников.

6 декабря 2010 г. президент РФ Дмитрий Медведев во время своего официального визита в Польшу на совместной пресс-конференции с президентом Польши Брониславом

Коморовским заметил: «Нам нужно вообще заниматься восстановлением исторической памяти, включая и трагические события более раннего периода, я имею в виду период гражданской войны в нашей стране, когда десятки тысяч красноармейцев, оказавшиеся в Польше, исчезли или погибли. По этим вопросам нам тоже нужно вести диалог, причем в абсолютно открытом и дружественном ключе, так, как мы сегодня это делаем по катынским событиям». И такой диалог уже ведется. Свидетельством тому стало издание на польском и русском языках уникального труда «Белые пятна, черные пятна» под редакцией профессора Адама Даниэля Ротфельда и академика Анатолия Торкунова — сопредседателей польско-российской Группы по сложным вопросам, касающихся истории взаимоотношений Польши и России. Что же касается проблематики польско-советской войны, то входящие в эту группу польские и российские историки пришли к убеждению в главном вопросе: не было планомерного уничтожения красноармейцев в польском плену в 1919–1922 годах.

* * *

Вернусь к беседе с Ежи Гофманом, о которой упоминал выше. Умудренный жизненным опытом режиссер заметил: «Я не устаю повторять, что если история и география привели к тому, что мы живем рядом друг с другом, то надо так выстраивать свои отношения, чтобы извлекать из них пользу, а взаимные недоверие и ненависть исключить». Чем не эпиграф к взаимно уважительному российско-польскому диалогу?

Валерий Мастеров — собственный корреспондент газеты «Московские новости» в Варшаве. Статья написана для «Новой Польши».

РЕПАТРИАНТЫ

О 75-й годовщине депортации польского населения в Казахстан в 1936 г. и о многих других вопросах, по-прежнему остающихся без ответа, дискутировали в Полице близ Щецина участники IV Всепольского съезда репатриантов.

Основой процесса возвращения в Польшу репатриантов из стран, входивших ранее в качестве республик в состав СССР, должна быть политическая воля тех, кто стоит у власти, а таковая, как видно, отсутствует. В последние годы приоритетом для властей, похоже, был их медиальный образ. Так, например, на протяжении последних лет огромный интерес привлекали выезжавшие из Польши на заработки экономические эмигранты, за голоса которых на выборах сегодня есть смысл бороться. Подобным шансом, к сожалению, не располагает масса поляков, сосланных когда-то в глубины СССР.

Историю массовых депортаций польского населения, 75-ю годовщину начала которых мы отмечали в прошлом году, иллюстрировала выставка, устроенная во время IV Всепольского съезда репатриантов в Полице в коридорах городского Дома культуры. Ее организаторы: Союз репатриантов Речи Посполитой и органы самоуправления Велицкого повета — представили обширное собрание документов и семейных фотографий, показывающих историю людей из казахстанской Полонии, которых принудительно вывезли туда в 1936 г.

Поляки с восточных «кресов»: из Житомира, Хмельницкого и Каменца-Подольского — сразу после польско-советской войны на основании заключенного в Риге в 1921 г. мирного договора оказались на территории СССР, где их рассматривали как советских граждан. Первоначально местности, где проживали поляки и где они составляли большинство, получили определенную автономию. Когда, однако, выяснилось, что поляки не поддаются идеологическому нажиму, советские власти посчитали их своими врагами. Именно поэтому поляки стали в Советском Союзе первым наказанным народом.

В 1936 г. полякам из Житомира, Винницы и Каменца-Подольского сообщили, что их выселяют без права возвращения. Многих депортировали, в частности в Казахстан, куда их везли в «телячьих» вагонах для скота, в нечеловеческих условиях.

Затем, после 14-дневного путешествия и преодоления 5 тыс. км, их высадили в пустой степи около вбитых в землю колышков с надписью «Точка номер...» И приказали поселиться там и жить в построенных ими самими глиняных землянках. Ссылные не имели права без соответствующего разрешения отдаляться от мест своего обитания. Вплоть до семидесятых годов поляки в Казахстане не имели паспортов.

Во время вывозки умерло много детей, пожилых людей, а также лиц со слабым здоровьем. Те, кто добрался до пунктов назначения, в суровых условиях организовали для себя дом и хозяйство. В 1937-1938 гг. начались также массовые репрессии по отношению к полякам, живущим в остальных регионах СССР, включая и депортированных в Казахстан. В массовом порядке им выносили и приводили в исполнение смертные приговоры. Поляков высылали, отправляли в тюрьмы и лагеря. На их родных навешивали ярлык «врагов народа» — со всеми вытекающими последствиями в виде ограничения их личных свобод, в частности, таких как доступ в школы и высшие учебные заведения. В СССР быть поляком означало быть гражданином второго или третьего сорта.

Переселенным полякам полагался статус спецпереселенцев, и до 1956 г. они находились под надзором комендатур НКВД. Спецпереселенцы жили в казахстанских степях полностью отрезанными от мира, влача жалкое существование в нечеловеческих условиях. Позабытые своей старой родиной, они сами никогда о ней не забывали. Прекрасно осознавали корни, откуда вели свой род, и передавали эти чувства детям.

Проблема поляков из Казахстана стала робко всплывать в польских СМИ лишь в начале 1980-х. В 1992 г. посланцы из Польши разъяснили казахстанским соотечественникам, что те имеют право поселиться в Польше. Тогда-то и был проведен знаменитый опрос, выяснявший общественное мнение на сей счет. В 2000 г. вступил в силу закон о репатриации. Сейчас на дворе уже 2011 год, а в Казахстане по-прежнему остается несколько десятков тысяч поляков, которые связывают свои надежды со страной на берегах Вислы и Одры.

О полной недостаточности и неработоспособности указанного закона рассказывала Александра Слюсарек, председатель Союза

репатриантов:

«Практический результат действовавших до сих пор норм — замирание этого процесса. Такой кризис вызван многими факторами, начиная с самого закона о репатриации, а далее — отсутствия соответствующих международных договоров, обеспечивающих решение вопросов о пенсиях по возрасту или по иным основаниям, и вплоть до проблемы адаптации. Союз неоднократно обращал внимание на необходимость изменения действующего закона о репатриации, в особенности тех его положений, из которых вытекает, что Польша не заинтересована польскими соотечественниками, проживающими на территории бывшего СССР. Обиден и позорен факт сохранения тех правил и указаний закона, где этическая ответственность за репатриацию перекладывается на органы местного самоуправления. По образцу других цивилизованных государств Европы указанный закон следует реализовать на центральном уровне...»

О том же говорили в Полице другие участники IV съезда — в числе прочих и Анатолий Дьячинский из Сталёвой-Воли, который ранее состоял председателем Кокчетавского отделения Польского культурно-просветительского общества в северном Казахстане:

«В Кокчетаве в конце декабря 1989 г. возникло первое в Казахстане Польское культурно-просветительское общество. В нашем городе собралось довольно большое скопление наиболее образованных и мобильных представителей Полонии. У них появилось не только желание изучать польский язык, петь и танцевать национальные танцы, но — скажем, по примеру Германии — мысль о переезде на родину, в любимую Польшу. К сожалению, их ждало разочарование. Наша ситуация отличалась от Германии, где быстро поняли, что для каждой страны самое ценное достояние — ее собственный народ. А дальше они со всей немецкой энергией и пунктуальностью стали привозить из разных бывших советских республик своих земляков. Жаль, что в Польше не действует такой же закон, как в Федеративной Республике Германии, которая оказалась в состоянии обеспечить возвращение всем своим репатриантам, желавшим вернуться к себе на родину. Посмотрим также на Казахстан, который привез уже почти всех казахов из Монголии и Китая.

К сожалению, Польша этого так и не сделала. Почему? Вот где вопрос... Ведь в Польше вроде бы все хотят как лучше, а получается как всегда... Годами ведутся дебаты о законе. Что-то там меняют, что-то дополняют. Придумали даже систему

«Соотечественник», которая должна была упорядочить репатриацию. Ничего из этого, к сожалению, не вышло. Система «Соотечественник» располагала деньгами и давала их только тем, кто был в ней зарегистрирован. Сама же она не искала в гминах чиновников, желающих сотрудничать с ней. Я это, к сожалению, знаю на собственном опыте.

С тех пор, как создана система «Соотечественник», ежегодное число репатриантов начало уменьшаться. По-моему, эту систему придумали противники репатриации. А кто в Польше противник репатриации? Во всяком случае не только органы местного самоуправления в гминах, на которые столкнули весь процесс репатриации, не давая им на это никаких денег.

Хотелось бы с этой трибуны обратиться к двум самым мощным и влиятельным организациям на родине — католической Церкви и польскому МИДу:

— Уже больше 20 лет продолжается болтовня о репатриации. За это время в Казахстане вымерли практически все, кого туда вывезли маленькими детьми и кто каким-то чудом пережил голод, холод и болезни, но так и не дождался любви от матери-родины. Остатки разбросанных и ассимилированных поляков уже давно перестали верить в репатриацию, которую обеспечит новая, демократическая Польша. Но есть еще и такие, кто верит, что после стольких лет их старая родина вспомнит о них и что на старости лет они туда вернуться. Поэтому я обращаюсь от их имени к епископату Польши и к МИДу. Помогите в максимально быстром принятии нового закона о репатриации, так чтобы еще было, кого сюда привозить. Будем помнить, что Господь смотрит с небес на поступки каждого из нас».

Еще один вопрос, который поднимали участники IV Всепольского съезда репатриантов, заседавшего в Полице 17 сентября 2001 г., — это их скандальное социальное положение. Союз репатриантов видит его причины, кроме всего прочего, в отсутствии международных договоров, которые сделали бы возможным перечисление пенсионных взносов в Польшу. Подписаны соответствующие документы с такими странами, как США и Канада, а в последнее время — с Южной Кореей и Австралией, то есть с государствами, где финансовый статус гражданина несравненно выше, чем в Польше. В то же время неизвестны никакие попытки вести переговоры по поводу заключения подобных договоров с Россией, Казахстаном или Киргизией.

В поддержку этого тезиса процитирую анонимный голос из зала: «...следующий вопрос, требующий комплексного решения, —

всяческие социальные проблемы, то есть пенсии по возрасту и по другим основаниям, а также зачетное трудовое стажа за границей. Ситуация в Казахстане и Центральной Азии требует немедленных действий и принятия нового репатриационного закона... Некоторым из наших репатриантов после уплаты положенной суммы за жилье и после приобретения лекарств на жизнь остается несколько десятков злотых в месяц». Союз репатриантов направил государственным властям ходатайство с требованием предпринять усилия по обеспечению им достойной жизни.

Организатором съезда в Полице было объединение «Вспульнота польска» («Польское содружество»). Часть расходов понесла также гмина Полице, принявшая несколько семей репатриантов. «Это семьи преимущественно из Казахстана. Есть также один человек с восточных кресов», — говорит Владыслав Дьякун, бургомистр Полице. И добавляет: «Репатриантам необходимо обеспечить в Польше достойные условия жизни. Коль я их уже приглашаю, то гарантирую им жилье и работу, потому что по-иному не могу себе представить». Полице — одна из немногих гмин в Польше, которая дала возможность возвратиться в Польшу целым шести семьям.

В съезде приняли участие свыше ста делегатов.

Присутствовали также Лонгин Комоловский, президент объединения «Польское содружество», и Гражина Анна Штарк, вице-маршал Сената VII созыва. Перед гостями съезда выступили два фольклорных коллектива: один — с Виленщины, второй — местный, действующий при Полицком доме культуры. Кроме того, была открыта выставка работ художника Валерия Сейтбаталова, живущего в Щецине репатрианта с ограниченными возможностями из Казахстана. Наконец, во время съезда были вручены медали Союза репатриантов.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Завершается первое полугодие польского председательства в Совете Евросоюза. Зарубежную культурную программу польского председательства символически увенчало 15 декабря концертное исполнение в Киеве оперы «Король Рогер» Кароля Шимановского (либретто Ярослава Ивашкевича). Исполнители — симфонический оркестр Киевского театра оперы и балета им. Шевченко и Национальный хор Украины «Думка» под управлением польского дирижера Михала Клаузы. Главные партии исполнили выдающиеся польские и украинские солисты. Публика наградила артистов овацией.

В 2011 г. «Золотой скипетр» Фонда польской культуры — высшую премию культуры Польши — получил Веслав Мысливский. Премия присуждена ему «за полное новаторских поисков и эпического размаха литературное творчество, представляющее перемены и переоценку ценностных установок в Польше». Мысливский (р. 1932) — автор пяти романов: «Голый сад», «Дворец», «Камень на камне» и отмеченных премией «Нике» «Горизонта» и «Трактата о лущении фасоли». Денежное выражение премии «Золотой скипетр» составляет 110 тыс. злотых (эту сумму с 1999 года обеспечивает исключительно банк «Миллениум»). Лауреатами прошлых лет были Ежи Гедройц, Войцех Килар, Роман Полянский, Эва Подлесь, Станислав Лем, Славомир Мрожек, Януш Гайос, Тадеуш Ружевич, Мария Фолтын, Войцех Млынарский, Кшиштоф Пендерецкий, Юзеф Вильконь. Несомненно, премьер-лига!

Центральноевропейскую литературную премию «Ангелус» получила 3 декабря в Театре Польском во Вроцлаве Светлана Алексиевич (Белоруссия). Она награждена за написанную по-русски книгу «У войны не женское лицо» (издательство «Чарне», перевод Ежи Чеха). Книга, написанная в 1983 г., несколько лет дожидалась печати. Автора обвиняли в «пацифизме, натурализме и разрушении героического образа советской женщины».

Светлана Алексиевич — лауреат многих международных премий. В Польше она отмечена теперь дважды: в январе 2011 г. стала лауреатом второй раз присуждавшейся премии имени Рышарда Капустинского. Ежи Чех оба раза получил премию за перевод книги Алексиевич.

Премия «Ангелус» присуждается за лучшую книгу, опубликованную на польском языке в предыдущем году. Издатели могут выдвигать на премию произведения здравствующих авторов родом из 21 страны широко понимаемой Центральной Европы. Лауреату вручают статуэтку «Ангелус» работы Эвы Россано и чек на 150 тыс. злотых.

7 декабря журналистка «Газеты выборчей» Анна Биконт получила в Брюсселе премию «European Book Prize» в категории «эссе» за книгу «Мы из Едвабне». Французский перевод — «Le Crime et le Silence: Jedwabne 1941» («Преступление и молчание: Едвабне, 1941») опубликовало издательство «Диноэль», автор перевода — Анна Гурвиц.

“«Мы из Едвабне» — это привлекающая добросовестностью реконструкция событий, которые разыгрались в июле 1941 г. на восточных рубежах оккупированной Польши, где поляки вырезали своих еврейских соседей, — написала Иоанна Щенская о книге Анны Биконт. — Это также вдумчивый анализ маленькой местной общины, которая безуспешно сражается с призраками прошлого и не может взглянуть в лицо правде”.

«European Book Prize» — это премия Европарламента, присуждаемая за книги, пропагандирующие европейские ценности. Два года назад в категории «эссе» премией был отмечен Мариуш Щигел за «Готтланд».

Премия польского ПЕН-клуба за выдающиеся переводческие достижения получил 15 декабря в Доме литературы в Варшаве Мартин Поллак (р.1944, живет в Вене). Он награжден за переводы на немецкий язык современной польской прозы, в том числе произведений Анджея Бобковского, Мариуша Вилька, Михала Гловинского, Генрика Гринберга, Вильгельма Дихтера, Рышарда Капустинского и Ярослава Марека Рымкевича. С речами в честь лауреата выступили известный в Европе польский фотограф Крис Неденталь и хорошо знакомый читателям «Новой Польши» Лешек Шаруга — поэт, литературный критик, переводчик с немецкого.

Мартин Поллак — писатель и журналист, лауреат премии «Ангелус» (2007) за книгу «Смерть в бункере. Рассказ о моем отце».

7 декабря варшавскому Национальному музею была передана картина Леона Вычулковского «В мастерской художника», изображающая женщину, рассматривающую портрет умершего жениха или мужа. Во время Второй Мировой войны картина пропала при невыясненных обстоятельствах, в 2009 г.

появилась на аукционе в Дюссельдорфе. Польским властям не удалось тогда заблокировать продажу, картина была приобретена немецким маршаном. Теперь полотно выкупили совладельцы издательства «Ведза и практика» и принесли в дар Национальному музею.

Зигмунт Краузе, композитор, пианист и видный популяризатор современной музыки, сочинил новую оперу. Его вдохновила одна из наиболее известных пьес Тадеуша Ружевича — «Мышеловка», посвященная жизни и творчеству Франца Кафки.

Герой «Мышеловки», великий писатель, живущий в Праге, в своих страхах и предчувствиях улавливает разворачивающуюся трагедию тоталитаризма XX века. Либретто оперы написал сам композитор в сотрудничестве с Гжегожем Яжиной.

Премьера «Мышеловки» прошла 17 декабря на сцене Вроцлавской оперы. Постановка увенчала серию событий Года Тадеуша Ружевича (в 2011 г. писатель отметил свое девяностолетие).

В оперном репертуаре нынешней зимы две новых постановки «Гальки» Станислава Монюшко — пожалуй, самой популярной польской национальной оперы. В Кракове премьера состоялась 16 декабря. Режиссер — Вальдемар Заводзинский. Зрители увидели не историю о бедной девушке, соблазненной баринном, а роман о слепой любви вопреки установлениям общества. Роль Януша исполнял Мариуш Кветень, солист «Метрополитен Опера» в Нью-Йорке.

Варшавская премьера «Гальки» в постановке Натальи Корчаковской состоялась 23 декабря в Большом театре — Национальной опере. Корчаковская принадлежит к поколению молодых художников, меняющих картину польского театра. На этот путь Корчаковская вступила в театре Гжегожа Яжины. В ее «Гальке» подчеркнут мотив несчастной любви, причем на фоне общественного конфликта. Почему? Как можно прочесть на сайте Большого театра, для новых поколений эта тема может вновь стать остроактуальной. Современный мир всё более откровенно делится на «совершенных людей» и тех, кому не по силам поддерживать совершенную форму.

В конце ноября в Варшаве завершился пятый фестиваль российского кино «Спутник над Польшей». За главную премию в основном конкурсе спорили 14 новейших российских фильмов. Жюри в составе Кшиштофа Занусси (председатель),

Барбары Холлендер и Мартина Вроны присудило первую премию и 3 тыс. евро фильму «Фауст» Александра Сокурова. Занусси так обосновал решение: «Это лента высочайшей пробы. Мы не могли ее не наградить». Вторую премию и 2 тыс. евро получил «Палач» Алексея Балабанова: «Благородный фильм. Безупречно сделан. Работа мастера». Третью премию и 1 тыс. евро получил «Портрет в сумерках» — дебют Ангелины Никоновой в художественном кино. Публика присудила свою премию картине «Generation P» Виктора Гинзбурга. После Варшавы с фильмами «Спутника» познакомятся зрители еще в 40 городах Польши.

Анджей Вайда начал в Гданьске съемки фильма о Лехе Валенсе. Сценарий написал Януш Гловацкий, известный писатель и драматург. Первоначально название фильма должно было звучать «Мы, польский народ», но всё же оно будет просто «Валенса». Главную роль сыграет Роберт Венцкевич, образ Дануты Валенсы воплотит Агнешка Гроховская.

Януш Гловацкий сказал на пресс-конференции:

— Когда Вайда обратился ко мне с этим проектом, я был ошеломлен, но он сказал, что не собирается сооружать ни часовни, ни памятника, так что я подумал, что это может быть интересно. Валенса — это в самом деле захватывающая фигура. В течение нескольких дней он стал одним из наиболее известных людей в мире. Такой прыжок очень трудно выдержать. Побеждать с достоинством еще труднее, чем с достоинством проигрывать. Он возбуждает противоречия: часть людей его ненавидела, другие восхищались. Я попробовал написать о том, как героизм рождается из слабости. Пробовал соединить моменты героические с моментами забавными. Этот богатырь до сих пор спотыкается, падает и встает, к ненависти одних и радости других. Мне очень интересно, как пан Анджей с этим справится...

Премьера фильма запланирована на осень 2012 года.

Создателей фильма, не говоря уже о самом Лехе Валенсе, поразила Данута Валенса. Молчавшая до сих пор жена легендарного вождя «Солидарности» и президента Польши, мать восьмерых детей, неожиданно опубликовала в обновленном Издательстве художественной литературы («Выдавництво литерацке») толстый том воспоминаний под названием «Мечты и тайны». Книга мгновенно стала бестселлером. Издательство рекомендует ее следующим образом: «Очень личный, искренний рассказ о жизни, любви, семье и политических переменах. Из воспоминаний

вырисовывается портрет смелой и мудрой женщины, которая жаждала любви и семейного счастья, но оказалась в центре революционных событий, прокатившихся через Польшу и через маленькую кухню в гданьской многоэтажке. Часто сверх сил усталая, в отсутствие мужа, который создавал движение «Солидарность», Данута была опорой семьи. Смелая, открытая людям, сейчас, когда она состоялась как мать и жена, нашла время для себя и представила миру рассказ о великой истории и собственной семье».

Молодая рецензентка портала trojmiasto.pl видит факты несколько резче: «Автобиографию Дануты Валенсы во многом можно упрекнуть, но надо оценить одно: она до боли искренна. И я вовсе не удивляюсь, что бывший президент не был в особом восторге от этой публикации: сам Валенса предстает здесь как тиран и эгоист, а жизнь женщины рядом с легендой «Солидарности» в значительной мере сводится к безрадостной роли домохозяйки, снующей между кухней и ванной среди пеленок и сосок».

Повлияет ли книга бывшей первой леди на фильм Анджея Вайды, неизвестно. Однако же Януш Гловацкий по прочтении воспоминаний пани Дануты вздохнул с облегчением: «Мне не надо менять в сценарии ни одного слова!»

13 декабря отмечалось 30-летие введения в Польше генералом Ярузельским военного положения. По этому случаю был возобновлен знаменитый мюзикл «Колядки» как дань людям «Солидарности». Спектакль с либретто Эрнста Брыля и музыкой Войцеха Тщинского был снят с репертуара сразу же после введения военного положения. Возобновленная постановка «Колядки. 30 лет спустя» была показана 13 декабря 2011 г. в «АТМ-Студио» в Варшаве и транслировалась по второй программе польского ТВ. Как и в спектакле начала 80 х, Кристина Пронько спела знаменитый псалом стоящих в очереди «За чем эта очередь?».

А в варшавском кинотеатре «ЦК» (размещающемся в бывшем здании ЦК ПОРП) Институт Адама Мицкевича представил 13 декабря премьеру документального фильма Анджея Вольского «Игрушки» («Toys»), составляющего часть цикла «Проводник к полякам». Это фильм о том, как польские дети эры коммунизма при помощи палочек и проволоки учились независимости и самостоятельному мышлению. Будить фантазию могли также стеклышки, крышечки от флаконов или бельевая резинка. Центром развлечения и общественной жизни была стойка для выбивания половиков во дворе. Существует ли связь феномена сегодняшней польской

креативности с убожеством игрушек детства? На этот вопрос пробуют ответить в фильме Анджей Дудзинский, Томаш Яструн, Войцех Пшоняк, Томаш Рыгалик, Дорота Масловская, Генрик Вуец, Ян Литынский, а также Лех Валенса.

Прощания

4 декабря на 88 м году жизни в варшавской больнице умер Адам Ханушкевич, выдающийся театральный режиссер и актер. В течение десятилетий он был одним из самых молодых духом театральных творцов в Польше. Его сценические находки — лесенка в «Кордиане» и мотоциклы в «Балладине» Словацкого или собаки на живой траве в «Месяце в деревне» Тургенева — стали легендой польского театра. 14 лет (1968–1982) он был актером, режиссером и директором варшавского Национального («Народового») театра. Огромной заслугой Ханушкевича стало создание Телевизионного театра: единственный в Европе, он ставил для многотысячной телевизионной аудитории европейскую и национальную классику.

5 декабря в Левине-Клодзком в возрасте 73 лет умерла Виолетта Виллас, одна из крупнейших польских вокальных звезд. Ее голос определяли как колоратурное сопрано расширенного диапазона, охватывающего четыре октавы. Однако она не сделала карьеры в опере, а стала звездой эстрады в голливудском стиле. Выступала, в частности, в парижской «Олимпии» и в Лас-Вегасе. Была знаменита своими капризами и характерным внешним видом: эффектная кудрявая блондинка в длинных бальных платьях. В последние годы она вызывала много пересудов. Возле своего дома устроила приют для сотен животных, с которыми была не в состоянии справиться. Незадолго до смерти артистки вышла книги Изы Михалевич и Ежи Данилевича «Виллас. Мне ведь нечего скрывать», разрушающая многие мифы, сложившиеся вокруг певицы. Даже те, которые она сама создавала.

6 декабря в Варшаве, не дожив до 90 лет, умер Збигнев Сафьян — писатель, журналист, сценарист. Он был известен прежде всего как соавтор популярного сериала «Ставка больше, чем жизнь». Как прозаик дебютировал сборником рассказов «Весна приходит осенью» (1955). Был также автором нескольких романов, в их числе «Ничье поле», «Канцлер», «Потом наступит тишина». В качестве сценариста наибольших успехов достиг в дуэте с Анджеем Шипульским. Под псевдонимом Анджей Збых они создали в 60 е годы сериал «Ставка больше, чем жизнь», а в 70 е — цикл фильмов «Главный день жизни» и сериал «Горячая жизнь».

17 декабря в Варшаве умер один из патриархов польской спортивной журналистики Анджей Роман. Ему было 84 года. Анджей Роман (кузен Збигнева Бжезинского) вел репортажи с трех олимпийских игр — в Мюнхене (1972), Монреале (1976) и Москве (1980).

17 декабря в возрасте 76 лет в Варшаве умер режиссер Кшиштоф Шмагер. Он снял более пятидесяти документальных фильмов. В 1970 г. поставил популярный сериал «Приключения пса Цивилия» с Кшиштофом Литвином в роли милицейского сержанта. Наибольшей популярностью пользовался, однако, его сериал «07, отзовись». Главного героя серии, офицера милиции Славомира Боровича, сыграл журналист Бронислав Цесляк, которого в шутку называли Джеймсом Бондом польской милиции.

20 декабря на 90 м году жизни в Брюсселе умер Леопольд Унгер, журналист, выдающийся международный обозреватель. Журналистике он отдал более 60 лет жизни, в том числе 38 лет — бельгийской газете «Суар». Был одним из основных авторов парижской «Культуры», комментатором радио «Свободная Европа» и польского отдела радио Би-Би-Си. После 1989 г. стал сотрудником «Газеты выборчей», где регулярно помещал материалы на международные темы. Адам Михник простился с ним такими словами: «Этот вынужденный эмигрант 1968 года (он оказался жертвой антисемитской чистки) очень быстро стал звездой польской эмигрантской печати, видным обозревателем европейской прессы. Его знаменитые статьи в парижской «Культуре» и комментарии на волнах «Свободной Европе» вызывали в жившей с заткнутым ртом Польше интерес и удивление. Он писал ярко, живо, с иронией и сарказмом. Он обнажал механику коммунизма и обмана конформистских европейских элит. Брюсселец (в парижской «Культуре») и Поль Матиль (в «Суаре») — оба его журналистских псевдонима вызывали ненависть коммунистической пропаганды и восхищение в среде демократической оппозиции. Он был человеком, полным юмора и доброго расположения духа, мудрым, вежливым и смелым. Боль тяжелой раны, нанесенной польскими антисемитами, оставалась в его сердце всю жизнь, но он также всегда верил, вопреки всему, в демократическую, независимую и справедливую Польшу».

Наталья Горбаневская

МИЛОШЕВСКИЙ КОНКУРС ДЛЯ РУССКИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Жюри Милошевского конкурса для русских переводчиков в составе:

Игорь Белов (Калининград), Томас Венцлова (Нью-Хэвен), Наталья Горбаневская (председатель, Париж), Адам Поморский (Варшава), Андрей Хаданович (Минск) постановило:

не присуждать третью премию,

а сумму второй и третьей премий

поделить поровну между лауреатами второй.

Вторая премия присуждается:

ТАТЬЯНЕ ДУБИНИНОЙ (Москва)

а также ЯРОСЛАВЕ АНАНКО (Червень, Белоруссия)

и ГЕНРИХУ КИРШБАУМУ (Бад-Аббах, Германия), работавшим совместно.

Первая премия присуждается

ИГОРЮ БУЛАТОВСКОМУ (Санкт-Петербург).

Вручение премий лауреатам Милошевского конкурса стало для меня увенчанием «моего» Года Милоша (увенчанием не совсем полным: выход толстого тома «Мой Милош», который я надеялась представить московским читателям в те же декабрьские дни, затянулся, и мне остается только надеяться, что «Новое издательство» выпустит его раньше, чем читатели «Новой Польши» прочтут эту заметку). Из многочисленных мероприятий, посвященных в 2011 году столетию Чеслава Милоша, я участвовала в трех фестивалях: в Кракове в мае, в Минске в сентябре и в Познани в ноябре (и в Лодзи на Фестивале четырех культур участвовала в «круглом столе», посвященном Милошу). Все они были по-своему хороши, но — да не обидятся организаторы польских фестивалей — самое сильное впечатление произвел минский фестиваль «Великое княжество поэтов». Поэты здесь действительно «княжили»:

белорусские, литовские, польские, украинские и... один русский (одна русская — я). Княжили переводами Милоша, своими стихами, переводами друг друга — так, например, после выступления Рышарда Криницкого Андрей Хаданович, президент Белорусского ПЕН-центра и незаменимый ведущий всех мероприятий фестиваля, внезапно прочел мой перевод стихотворения Криницкого «Казалось» из книги переводов, которую я когда-то подарила Андрею при нашей первой встрече в Гданьске. И дискуссии, «круглые столы» велись поэтами и между поэтами — и слушали нас замечательно. Из Минска я привезла замечательные многоязычные вильнюсские сборники статей о Милоше и стихов поэтов, живущих на территории бывшего — но не забытого — Великого Княжества Литовского.

И вот наступил декабрь, конец Милошевского года, и предстояло ехать в Москву на последнее, решающее заседание жюри и вручение премий.

Когда мне предложили войти в жюри конкурса и возглавить его, в нем уже был один, как говорят поляки, «юрор», приглашенный оргкомитетом конкурса, — мой старый друг Томас Венцлова, литовский поэт, друг Чеслава Милоша, знаток и исследователь русской и польской поэзии. Это подало мне мысль подобрать интернациональное жюри, куда я пригласила замечательного польского переводчика Адама Поморского, вышеупомянутого белорусского поэта и переводчика Андрея Хадановича (как оказалось, я совсем не промахнулась: в ранней молодости он начинал как переводчик Милоша... на русский язык и даже получил за это какую-то премию!) и единственного жителя России — хорошо знакомого читателям «Новой Польши» переводчика и поэта Игоря Белова. Работали мы по простому принципу: по предложению оргкомитета выставляли каждому участнику конкурса — которых знали только под номерами — общую оценку за переводы стихов и прозы, предложенных на конкурс (10 стихотворений и 5 отрывков из «Азбуки», перевести надо было не меньше трех стихотворений и хотя бы один прозаический отрывок).

Могу раскрыть некоторые детали работы. Если Томас, Андрей и я просто ставили оценки, изредка сопровождая их несколькими словами, то Игорь в обоснование своей оценки писал несколько строк, а пан Адам вместо оценок писал настоящие рецензии, одновременно указывая, кто, по его мнению, годится в десятку финалистов. Правда, под конец и ему пришлось ограничиться оценками: множество

переводчиков представили свои работы под самый конец конкурса (30 ноября), и время у нас было ограничено.

Попасть в «десятку» означало получить от польского посольства в Москве приглашение на церемонию вручения премий. Да и последнее заседание жюри, на котором решалось, кто из десяти выйдет в лауреаты, проходило в Москве накануне вручения. Но до «десятки» у нас получился промежуточный этап: надо было из общего числа (в конкурсе приняло участие больше ста человек) выделить тех, кого большинство членов жюри считает лучшими, а потом уже проводить голосование. Тут я пошла, видимо, по нестандартному пути: учитывая, что у каждого своя субъективная шкала оценок, — не выводить среднюю оценку, а ориентироваться на высшие. Вместе с таблицей, куда были сведены все результаты, я направила членам жюри такое письмо:

«Итак, прежде всего излагаю принципы.

Никаких средних не высчитывала. Исходила из высших оценок.

Поэтому в отобранные включила:

— во-первых, тех, кому хоть кто-то один поставил **больше 7**. Но... кроме Игоря. Игорь! У тебя по сравнению со всеми остальными оценки явно завышены^[1]. Поэтому у тебя высшие оценки (от 7 до 10) мысленно снижала на единицу. (Наоборот, у пана Адама во второй части — опять-таки по сравнению с другими — явно занижены^[2]. Но на низкие оценки вообще не смотрим.)

— во-вторых, тех, у кого **три семерки**.

Рецензии пана Адама типа «безусловно проходит» или «одно из лучших» считаю за 8-9, «проходит» с оговорками — за 7».

В результате образовался список из 24 переводчиков — своеобразный, хотя и не предусмотренный условиями конкурса «лонг-лист». Из них нам нужно было выбрать 10. Тут уже дело пошло по обычной схеме, схожей с тем, к чему я привыкла в жюри премии «Ангелус». В инструкции членам жюри я писала:

«Каждый составляет свой список. И тут уже я подсчитываю, за кого сколько членов жюри проголосовало. Десятку отбираю по количеству голосов».

Разумеется, дошло дело и до нового голосования, так как три последних места в списке заняли — с одним и тем же числом

голосов — шесть человек. После голосования осталось, как и надо было, трое. И только тогда, когда «десятка» (под номерами!) была выделена, мы узнали от оргкомитета имена финалистов.

Вот полный список финалистов конкурса: Ярослава Ананко (Червень, Белоруссия) совместно с Генрихом Киршбаумом (Бад-Аббах, Германия), Игорь Булатовский (Санкт-Петербург), Анастасия Векшина (Москва), Татьяна Дубинина (Москва), Лев Оборин (Москва), Владимир Окунь, псевд. Владимир Орданский (Самара), Денис Пелихов (Челябинск), Лада Сыроватко, псевд. Лада Викторова (Калининград), Владимир Штокман (Краков), Лилия Юсупова (Горно-Алтайск) [3].

То есть, когда мы собрались на заседание жюри в гостинице при словацком посольстве в Москве, мы впервые голосовали не за «номера», а за конкретных переводчиков. Каждый составил список «своих» трех лауреатов, за первое место начислялось 3 очка, за второе — 2, за третье — 1. Рассмотрению списков предшествовало обсуждение некоторых принципов и конкретных случаев, примером чему могут послужить мои вступительные замечания:

«1. Стихотворение об Анне Каменской было исключено из конкурса. В списке, который составлял в сотрудничестве со мной Александр Фьют, было 10 стихотворений, а это оказалось одиннадцатым и вставлено по недосмотру оргкомитета, который мне обещали исправить. Отмечу, однако, что ни один переводчик не перевел правильно заглавие, не разобрался, что «Записная книжка» — это название книги Анны Каменской.

2. Я уже, по-моему, писала, что те, кто перевел мало стихов да еще при этом не перевел рифмованных стихов, оказываются как бы в привилегированном положении по сравнению с теми, кто перевел больше, включая рифмованные. Их минусы соревнуются с пустотой без минусов.

3. О переводе верлибров рифмованными стихами [среди финалистов это касалось только Лилии Юсуповой, вообще же в конкурсе такое встречалось не раз].

В свое время, рецензируя книгу стихов Льва Лосева, я писала:

“...в своем «отклике» на стихи Стрэнда он явно (и справедливо) решил, что если на английский русские рифмованные метрические стихи «адекватно» переводятся верлибром, то столь же адекватным будет «перевод» американского верлибра

русскими рифмованными метрическими стихами, — и результат оказался блестящ”.

То есть как бы я сама дала обоснование. Но — речь шла об американском поэте, который пишет исключительно верлибрами. Милош же, хотя и много раз проклинал метрический и рифмованный стих, до самой смерти такие стихи писал, хотя, кроме раннего периода, они составляют в его корпусе стихотворений меньшинство. Значит, важно, что в одних случаях он выбирает верлибр, в других — более или менее метрический и рифмованный стих.

Поэтому неплохие рифмованные переводы Лилии Юсуповой милошевских верлибров отмечаем — правда, у нее почти везде есть вариант, как она пишет, «более точный», т.е. верлибром.

4. О сползании верлибра в белый стих. Когда в регулярном верлибре больше двух строк подряд идут белым стихом, возникает ненужная инерция.

5. В «Вальсе» у большинства переводчиков (пожалуй, кроме Булатовского) смущают столкновения ударных гласных: односложное слово + двусложное с ударением на первом слоге, так что односложное попадает на безударное место стопы и, теряя ударение, само теряется. Замечу только, что местами это так выглядит и в оригинале. Да только в польском — языке с постоянными ударениями — ударения вообще ослаблены и не играют такой роли. Стих, который мы в переводе делаем силлаботоническим, — от природы-то силлабический.

6. Никто из переводивших «Бедного христианина...» не заметил разницы между *obudowują* в 1 строфе и *odbudowują* во 2 и 3 строфах (что-то вроде «обстраивают» и «отстраивают»). А уж наверное Милош не случайно так написал. Поэтому я не буду ни у кого отмечать это в недостатках — это общий недостаток.

7. Почти все (а это в двух разных стихотворениях) оставляли «песок» в клепсидре. По-русски или вода в клепсидре, или песок в (песочных) часах.

8. «*Pomniki*» со списками погибших в «Глупости Запада» желательно, конечно, переводить как «обелиски» (обелиск и есть «малый памятник» с именами), но наверное для этого надо знать французские реалии».

К сожалению, очень обрывочно помню, а потому и не могу воспроизвести то, что говорили на заседании мои коллеги. Разве что одну, казалось бы, мелкую, но существенную деталь.

Адам Поморский отметил, что в стихотворении «Молодость», кроме Игоря Булатовского, никто не разобрался с упоминаемой там «Рыжей»: поскольку речь идет о Вильно, это, вне всякого сомнения, еврейка из горящего гетто. И еще: Андрей Хаданович и особенно Игорь Белов настаивали на том, что главное достоинство перевода — быть хорошими русскими стихами. Согласна — если при этом сохраняется верность автору, а так у наших переводчиков бывало не всегда.

Но обсуждать-то мы обсуждали, а посражаться за лауреатов не вышло: дело решила арифметика. Игорь Булатовский набрал 8 очков (из 15 возможных), Ярослава Ананко с Генрихом Киршбаумом и Татьяна Дубинина — по 6. Если бы в заседании участвовал не прилетевший в Москву из Америки (но приславший свой список трех кандидатов в лауреаты) Томас Венцлова и нас было бы нечетное число, легко было бы устроить голосование за 2 и 3 места. Но тут у кого-то — кажется, у Андрея — родилась простая мысль: «А дадим две **вторые** премии!» — и всем эта мысль понравилась. Сумму 2 и 3 премий предложили разделить поровну. Конечно, можно было назвать эту премию «второй-третьей», но зачем? «Лауреат второй премии» — красивее.

12 декабря в польском посольстве в Москве прошла торжественная церемония вручения премий с участием посла Войцеха Зайончковского, директора польского Института книги Гжегожа Гаудена, председателя оргкомитета конкурса Николая Иванова. Я прочитала постановление жюри, посол вручил премии. В начале своего выступления я выразила благодарность посольству и Институту книги, но особую — секретарю оргкомитета Татьяне Ивановой, на долю которой выпала непомерная работа, объема которой мы до начала конкурса и не воображали.

В конкурсе приняли участие около 130 человек из 12 стран (121 участник по номерам, но в нескольких случаях, как и вышло с парой наших лауреатов второй премии, переводы осуществлялись вдвоем, а в одном случае — даже втроем: две школьницы из Черняховска под руководством учительницы). Больше всего участников было, разумеется, из России. И географический разброс участников здесь больше всего: кроме городов, которые вы можете найти в списках финалистов и полуфиналистов, еще Великий Новгород, Владивосток, Владимир, Вологодск, Воронеж, Долгопрудный, Ижевск, Иркутск, Калуга, Кировск Ленинградской обл., Красноярск, Люберцы, Омск, Орел, Пермь, Переславль-Залесский, Сыктывкар, Тверь, Улан-Удэ, Черняховск, Ярославль, Якутск,

поселок Лотошино Московской обл., сёла Бабяково Воронежской обл. и Федоровское Ленинградской области и два башкирских населенных пункта: село Ильино-Поляна и поселок Приютово. На втором месте по числу участников — Украина: восемь переводчиков, пять городов (Днепропетровск, Киверцы, Киев, Мукачево, Одесса) и крымское село Желябовка. На третьем месте — Израиль (7 переводчиков, 5 городов). По четверо переводчиков из Белоруссии и Польши. По двое — из Великобритании, Германии, Латвии (Сергея Морейно всё-таки не будем засчитывать в Швейцарию). По одному — из Испании, Литвы, Румынии и даже Таиланда. Где только нынче не живут русские люди! ^[4]

Среди участников конкурса были профессионалы, а были и такие, кто имя Чеслава Милоша впервые узнал из объявления о конкурсе. Немало было людей, проживших, а иногда получивших высшее образование в Польше. Были и читатели «Новой Польши»...

День вручения премий завершился поэтическим вечером с участием членов жюри и финалистов в кафе-клубе «Билингва» (где, замечу, всего за неделю до этого московским читателям представляли сборник стихотворений Тадеуша Ружевича в русских переводах).

-
1. Действительно, у Белова — единственного члена жюри — несколько раз встречалась оценка 10. Поэтому все, кому он поставил 9 и 10, в «полуфиналисты» проходили, а кому поставил 8, проходили, если было еще две семерки. Прибавлю еще, что с Игорем Беловым мы на заседании жюри впервые встретились «вживе»: до того я его знала только через интернет. И оба были очень рады.
 2. На что Поморский прислал письмо с подробным обоснованием нескольких, по моему мнению, «заниженных» оценок.
 3. А вот список «полуфиналистов», не вошедших в десятку победителей: Елена Барзова вместе с Гаянэ Мурадян (Москва), Татьяна Бусыгина-Войтас (Железнодорожный Московской обл.), Сергей Гупало (Киверцы, Украина), Борис Дунаев (Калининград), Евгения Зимина (Кострома), Анастасия Каменская вместе с Игорем Васильевым (Тверь), Герберт Кемоклидзе (Ярославль), Софья Кобринская (Одесса), Борис Крылов (Москва), Виктор Куллэ (Москва), Ольга Левицкая (Люблин), Сергей Морейно (Рига, во время

конкурса — Винтертур, Швейцария), Ольга Старунова (Москва), Ирина Шестопалова (Москва)

4. Некоторые участники конкурса не дали о себе никаких данных, кроме имени-фамилии и электронного адреса, так что вычислить, откуда они, невозможно.

Чеслав Милош

ВАЛЬС

Уже зеркала в ритме вальса кружатся,
шандал покачнулся и шествует в зал.
В чаду сто подсвечников следом толпятся,
и в сотне зеркал отражается бал.
Там пыль розовеет, как яблонь цветочки,
искрятся, качаясь, подсолнухи труб,
распята в растяжку, до боли, до точки,
на фрачных крестах белизна плеч и рук.
И кружат, очами впивая друг друга,
а шелк, наготу предвещая, шуршит...
И перья, и перлы – среди гулкового круга –
и шепот, и одурь, и зовы, и ритм.
Десятого года последние крохи,
в клепсидах неслышно сочится песок
(всё ближе День гнева, исполнятся сроки –
в огне Купины ступит смерть на порог).
А летом на свет предстоит появиться
поэту, что сложит их песенку-весть.
Ночь будет по млечному шляху катиться,
и лаем в ольшинах зайдется вся весь.
Но это когда еще будет, а ныне
ты, милая, вчуже колышешься с ним,
да так и пребудешь на этой картине,

танцуя сквозь войны, сквозь грохот и дым.

А он из грядущего бездны кровавой

«Смотри! – шепчет в ухо тебе. – Глаз не прячь!»

Чело его горькой овеяно славой,

и ты не поймешь, это вальс или плач?

Встань здесь, у окна, и, просвет заслоняя,

смотри в ослеплении, в прозрении на сад.

Здесь вальс приглушает листва золотая,

и ставни под ветром холодным стучат.

Снежное поле на заре шафранной

встало из ночи наживо раздранной,

толпы бегущих от смертельной жатвы

(крика не слышишь, только видишь крик).

Поле до края закипает бойней,

крови румяна снег пятнают белый,

и на запекший труп, окаменелый

дымное солнце сеет пыль зари.

По-над рекою, льдом едва покрытой,

пленники цепью тянутся позорной,

под синей тучей, над водою черной,

на красным солнце – кнут ката.

Там, в этой цепи серой и безмолвной, –

сын твой. На щечке кровоточит ранка.

Он ковыляет, словно обезьянка,

склабься, в неволе – счастливый.

Пойми: за последней чертой униженья

улыбка счастливая всё затмевает,
и с ней на губах человек забывает
цену и цель страданья.

Тогда в ослеплении, в скотском покое
он смотрит на звезды, и зори, и тучи.

Другие погибли, он выжил, везучий,
теперь он живет, умирая.

Забудь. Всё – лишь сон, кроме светлого зала,
и вальса, и труб, и цветов, и огней,
и сотней зеркал отраженного бала,
и шарка, и смеха, и уст, и очей.

Его и тебя эта длань пощадила...

На цыпочках, тихо, мелькни в зеркалах.

Рассвет на дворе, в небе гаснут светила,
и звонко звенят бубенцы на санях.

*

Скачать польский оригинал

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Альфред Жарри снабдил своего «Короля Убю» подзаголовком: «В Польше, то есть Нигде», что сегодня, пожалуй, следовало бы перефразировать: «В Польше, то есть в Евросоюзе». Дело, правда, в том, что так считает не каждый: все еще немало людей, которые в Варшаве, говоря о Европейском Союзе, вместо местоимения «мы» говорят «они». Многие из таких людей, выбравшись в Париж или Мадрид, выезжают за границу, а вот у большинства моих студентов уже нет такого чувства: для них и Париж, и Мадрид — это никакая не заграница, и они чувствуют себя дома, когда едут туда. Перемена в образе мышления о Евросоюзе в значительной мере зависит от взгляда поколения, что, конечно, имеет свои практические последствия, выражающиеся в отношении к европейским институтам и влияющие на представления о будущем Европы, которая для некоторых политиков, закладывавших здание современного союза (к ним принадлежал, например, генерал Шарль де Голль), должна была быть единым организмом, охватывающим пространство от Атлантики до Урала.

В Польше такие взгляды вызывают довольно острые противоречия, ядро которых составляют два по-разному интерпретируемых понятия: первое — понятие суверенности, а второе, связанное с ним неразрывно, — польское понимание государства. Перспектива всё более глубокой интеграции Евросоюза означает, как утверждают противники этого процесса, драматическое ограничение права на собственные решения, а тем самым — действия против этого самого понимания государства. О том, что же означает само понятие, у сталкивающихся сторон принципиально разное представление, и это нашло резкое выражение в оценке речи, произнесенной министром иностранных дел Радославом Сикорским в Берлине, когда он не только призвал к ускорению интеграции, но и заявил, подчеркивая решающую роль Германии, что сегодня опасается немецкого бездействия больше, чем немецкой силы. Когда я пишу эти слова, в Варшаве идут приготовления к организуемой «Правом и справедливостью» демонстрации в 30 летие введения военного положения, которая одновременно должна быть протестом

против инициативы Сикорского, опасной, как считают политики «ПиС», для польской независимости, поскольку может означать отказ от некоторых атрибутов суверенности в пользу европейского единства.

Збигнев Бжезинский в интервью, озаглавленном «США с поправками», которое он дал «Жечпосполитой» (2011, №77/), анализируя положение Евросоюза, следующим образом комментирует нынешний союзный кризис:

«Это начало обновления. Конструкция объединенной Европы до сих пор не была уравновешенной. С одной стороны, создан валютный союз, а с другой — нечто, хотя и называемое политическим союзом, но представляющее собой на самом деле аморфную политическую конфедерацию. Эта диспропорция, этот диалектический конфликт составляет источник нынешней катавасии. Следует различать реакцию на короткую волну небезопасных обстоятельств — проблему задолженности и бюджетного равновесия — и принципиальную политическую проблематику, касающуюся усиления связей между членами так называемого Евросоюза. (...) У края пропасти концентрируется внимание. Хорошо, что государственные мужи, а также государственные дамы отдают себе отчет в том, что Европа движется в небезопасном направлении и что они должны срочно реагировать. (...) Франция, с одной стороны, хочет избежать распада Евросоюза, так как, в соответствии с концепцией Парижа, объединенная Европа — это еще и хороший трамплин для деятельности Франции в мировом масштабе. А с другой стороны, Франция не хочет потерять фундаментальных элементов суверенности. В свою очередь, подход Германии основан на том, что хотя она и мотор развития Европы, но не хочет превратиться в рог изобилия для государств, которые подходят к проблематике хозяйственной ответственности с изрядной беззаботностью, а в некоторых случаях — и нечестно. Поэтому Берлин также добивается более дисциплинированного отношения и концентрации власти в Евросоюзе, в котором в силу вещей Германия играет особую, ведущую роль. Великобритания хочет одновременно сохранить связи с Европой и удержать определенную дистанцию, играя роль главного союзника США. Британцам важно также сохранить особую роль Лондона как европейской банковской столицы. Все главные игроки знают, что в их общих интересах — не допустить распада Европы, даже если это будет означать болезненные уступки».

Полагая неизбежным создание Соединенных Штатов Европы, Бжезинский также подчеркивает: «Мы живем в мире, всё более

взаимозависимом. Распад Евросоюза означал бы последующий возврат к трагическим временам, которых даже нынешнее поколение правящих, лично этих времен не пережившее, хочет любой ценой избежать. (...) В первый раз всех европейцев объединяет один общий язык — к огорчению французов, английский. Это уже факт. В сегодняшнем мире традиционные границы всё сильнее сглаживаются».

Бжезинский, к сожалению, прав. Пишу «к сожалению» потому, что мое знание английского, деликатно говоря, слабовато, и я это болезненно ощущаю во время международных конференций, а также и в контактах со студентами: в мире науки английский доминирует не только в Европе. То же в мире политики, где незнание этого языка обрекает на маргинализацию и в любом случае затрудняет жизнь. Знает об этом, например, бывший президент Александр Квасневский, который с английским так же ловко управляется, как американец Бжезинский — с польским. В интервью «Союз должен быть федерацией», помещенном в «Ньюсуик-Польша» (2011, №49/), Квасневский комментирует изменяющееся на наших глазах положение в мире и в Евросоюзе:

«Вопрос в том, насколько мы будем изменять Европу под влиянием глобальных процессов и решимся ли на столкновение с новыми цивилизационными центрами, такими как Китай, Индия или Бразилия. Это требует существенного пересмотра дефиниции Евросоюза и его институций. С другой стороны, каждый из лидеров стран ЕС увяз в собственной внутренней политике и хочет при возможности организовать нечто, что станет его надежным щитом от избирателей. (...) Идея Соединенных Штатов (...) не нова. Звучит хорошо, но она ошибочна. Ход образования США и ЕС был разным. Американцы прибывали в новую страну, принимали новое самосознание, крепко отождествляя себя с новым государством. ЕС возникал иначе, в большей мере сверху. Поэтому лучше бы, наверное, не Соединенные Штаты Европы, а европейская федерация, даже без смены названия. Евросоюз — это емкое определение. (...) Если говорить об аксиологических основах, то они — в договорах, создающих единство. Всё, что касается облика: язык, культура, образование, — остается национальным. (...) Сегодня есть национальные армии, но мы говорим также о европейской армии. В любом случае это будут долгосрочные процессы. (...) Если мы примем, что бесспорным фактом стало изменение глобальной архитектуры, что время доминирующего положения США заканчивается, что центр мира с берегов Атлантики переносится на Тихий океан, что Китай становится

всё более мощным, что усиливаются позиции Индии, Бразилии, а также России... (...) Европа всё еще имеет шансы бороться за бронзовую медаль. Потому что золотая и серебряная уже вручены — это Китай и США. Однако если мы не решимся на реформы внутри ЕС, то не удержимся на пьедестале. И останемся скансеном, в который будут приезжать, чтобы посмотреть, как здесь когда-то жилось. (...) Всё дело в том, чтобы Евросоюз имел больше общих политик, а не меньше. К внешней политике, политике безопасности, мы должны добавить общую налоговую, энергетическую, социальную политику. Это позитивный сценарий, за который стоит бороться и в котором мы все выиграем. (...) В свете нового мирового устройства это ключевой момент».

В этом контексте вызывает интерес очерк «Речь Посполитая Европа» Адама Кшеминского, опубликованный в «Политике» (2011, №50). В особенности заслуживают внимания вопросы, касающиеся кризиса европейской валюты:

«В 1991 г. отцы-основатели евро прекрасно знали, что общая валюта будет иметь смысл только тогда, когда ей будет сопутствовать политический союз. Знали также, что в странах ЕС нет согласия на полномасштабную политическую федерацию. Однако они предполагали, что общая валюта приведет к углублению свободного союза государств. Это так называемый метод Жана Монне — путь отдельных свершившихся фактов, которые понуждают к дальнейшей интеграции. Созданный по его инициативе Союз угля и стали, несмотря на ограниченные рамки, оказался более мощным маховиком объединения Европы, чем амбициозный проект Европейского оборонительного союза, отвергнутый французским Национальным Собранием. Введение евро в 2000 г. называют вступлением Европы на путь коронации. Оно должно было, через принятие европейской конституции, повышение ранга Европарламента, создание хозяйственного правительства, прямые выборы президента ЕС, привести к возникновению конструкции, имеющей признаки федеративного государства. После того, как в 2004 г. конституционный договор был отвергнут Францией и Голландией, дело заглохло. Лиссабонский договор 2006 г. отмежевался даже от флага и гимна ЕС, но вместе с нынешним кризисом евро процесс возобновляется. О Соединенных Штатах Европы говорят уже не только завзятый «европеец» и евродепутат Даниэль Кон-Бендит, философ Юрген Хабермас, социолог Ульрих Бек или историк Генрих Август Винклер, но даже германский министр финансов Вольфганг Шойбле. Эти исторические соотнесения ЕС, в том числе со США и

Швейцарией, добавили берлинской речи Сикорского ту степень остроты, которая необходима, чтобы проекты институциональных реформ в ЕС не погрязли в технократическом новоязе».

Это замечание представляется существенным, а проблема языка, которым говорят о будущем Европы, не случайно выдвинута на первый план в интервью, озаглавленном «Спасение Европы», которое дал политолог Александр Смоляр еженедельнику «Впрост» (2011, №50):

«Европейские верхушки должны заниматься не только техническими проблемами, пользуясь языком, которого большинство смертных не понимает. Они должны стараться убедить и мобилизовать общественное мнение, очерчивая хотя бы главные цели ЕС, популяризируя всеобщие выборы его председателя, а также выборы председателей комиссий и председателя Совета Европы. Иными словами, необходима политизация европейской дискуссии».

Так, собственно, поступил в своем выступлении министр Сикорский, речь которого рассматривает далее в своем эссе Кшеминский:

«Цитируя в Берлине горькое замечание Юргена Хабермаса из его последнего эссе «О европейской конституции», что после поражения демократической революции 1848 г. Западной Европе потребовалось сто лет, чтобы вернуться на демократические рельсы, польский министр включился не только в технические, но и в историософские дебаты на тему будущего нашего континента. В XXI в. Европа может — как целое — сыграть существенную роль в новой пентархии, но при параличе или распаде Евросоюза может навсегда подвергнуться глобальной маргинализации. (...) Реформаторы признают, что единой европейской политической нации еще не существует. Тем не менее, в XXI в. все европейские общества словно бы заново перетасовываются. Традиционные национальные особенности не исчезают, но уже утрачивают исключительное значение. Коль скоро каждый пятый немец происходит из иммигрантской семьи, то старая национальная эксклюзивность уже стала фикцией».

И, наконец, из заключения: «Во всем ЕС происходит вызванный кризисом мозговой шторм, а также буря умонастроений. (...) Уже сегодня жители ЕС стоят перед вопросом, как гармонизировать в себе национальный эгоизм и европейскую солидарность. Как быть гражданином Европы, будучи одновременно гражданином своей страны.

Предлагаемая Германией «европейская реформация» означает, что Священной Римской империи германской нации в Европе не будет, скорее — и хотелось бы — Речь Посполитая Европа».

И следует признать (опуская факт роспуска Римской Империи германской нации декретом Наполеона в 1806 г.), что Кшеминский, как и другие цитированные авторы, рисует довольно продуктивную перспективу. По-моему, несомненно одно: любой кризис можно одновременно рассматривать как катастрофу и как возможность преодоления. Евросоюз — подобно, впрочем, европейской цивилизации — с момента своего возникновения развивался в противостоянии череде кризисов. Нынешний, кроме чисто экономического, имеет особо интересный аспект: это очевидное выражение исчерпанности идеи национального государства в его прежнем виде — такого, в котором нация видится прежде всего как этническое единство. Возможно, это провозвестие переформирования нынешних этнически дифференцированных общностей в общность, которую можно было бы определить как политическую, гражданскую нацию с европейским самосознанием. Что не стало бы новостью в истории: такую общность создавала Римская империя, когда быть римлянами (а ими стоило быть) вовсе не обязательно означало иметь общие этнические корни. Впрочем, сегодня, когда социологи и политологи говорят о послевоенной немецкой идентичности, они ее определяют названием *Verfassungsidetität* — конституционная идентичность. В свою очередь, четырехязычная Швейцария — государство, объединенное в открытую многонациональную федерацию, — доказывает, что над языковыми и культурными особенностями может возникнуть чувство единства, позволяющего всем гражданам страны называть себя швейцарцами. Однако вот у нас, в Польше, только что завершилась демонстрация Пис, из которой мне стало ясно: в их понимании я не поляк. Страшноваты бывают издержки демократии...

ПО ВАРШАВЕ НАЯВУ: О ДОСТОИНСТВАХ ПЛОХИХ ДОРОГ И НЕДОСТАТКАХ ОГОРОЖЕННЫХ КВАРТАЛОВ

— Какое впечатление о польской архитектуре складывается у американского архитектора-градостроителя?

— Я наполовину француз, а наполовину американец. Моя мама выросла в Нанси, где в самом центре города есть площадь Станислава Лещинского, польского короля, который был инициатором создания подобных прекрасных площадей в Европе. У меня не было причин сомневаться в том, что Варшава — гармонично запроектированный город.

— В 1991 г. вы первый раз приехали в Варшаву. Какое впечатление на градостроителя произвела наша столица?

— Моя страсть — строительство функциональных городов. Быть может, я всех удивлю, но, хотя в Варшаве много слабых точек, у нее больше шансов стать городом XXI века, чем у многих американских городов. Многие из них уже не спасти. А я купил квартиру в «Городке Вилянов», который проектировала группа под моим наблюдением.

— Этот проект получил не одну международную премию. Трудности возникают с исполнением. Не хватает площадей, парков, школ. Что происходит?

— Некоторые застройщики, к сожалению, не воспринимают наш «городок» как интегрированный многофункциональный район. Не смотрят на проект как на единое целое. Сосредотачиваются на отдельных — собственных — задачах. Не в этом состоит формирование здорового, современного и функционального городского организма. Надеюсь, они сменят подход.

— Мне хотелось бы предложить вам экскурсию по столице. Расскажите, пожалуйста, какие вы видите слабые и сильные стороны столичной агломерации. Начнем с юга. Здесь у нас Пясечно, Юзефослав и Константин, то есть пригородные спальные городки, в которые до недавнего времени охотнее

всего переезжали варшавяне. С ощущением, что самого Господа Бога за бороду поймали. Думали, что здесь будет дешево, зелено и спокойно.

— Они слегка просчитались. Пошли вслед за американским трендом, в соответствии с которым с 60-х годов XX века города превращались в мало связанное множество специализированных районов. Были районы жилые, промышленные, офисные и магазинные. Считалось, что автомобиль в Америке есть даже у новорожденного, а топливо было дешевым, поэтому решили, что в эти районы американец может доехать на машине. И города разрастались до неприличия. Город Атланта — 200 км в длину, Сент-Луис — 160. И мертвые центры. Рядовой человек в США должен ежедневно проезжать 50–70 км. Спустя несколько лет человек в автомобиле начинал толстеть и болеть из-за отсутствия движения. И терять деньги, так как топливо дорожало. В конце концов он стал терять время, застревая в пробках. Не звучит ли это знакомо для жителей блочных домов и ленточной застройки в Пясежно, Юзефославе и во всех этих «спальнях» вокруг больших городов?

— К счастью, наши «спальни» находятся на расстоянии лишь 10–20 км от Варшавы, а не 70-ти, как предместья Сент-Луиса. Почему стали умирать центры американских городов?

— Механизм был простой. Дашь людям широкую дорогу на выезде из города, так они переселятся еще дальше. Подумают: на 10 минут дольше ехать, это почти ничего. Те, кто так думает в Польше, встречаются в нескончаемых пробках на Пулавской улице. Недостаток скоростных дорог в Варшаве парадоксальным образом спасает ткань города. Он не разрастается неконтролируемо. За океаном прекрасные автострады убили города.

— Едем на север. Между Константином и Варшавой — микрорайон Констанция. Современный, функциональный — символ благополучия.

— Но он огорожен! Ужас. Константин — это царство огороженных микрорайонов. У человека возникает впечатление, что он оказался в Мексике или Колумбии, где в порядке вещей война между бандами. Застройщики утверждают, что огораживание территории повышает цену, улучшая безопасность жителей. Это иллюзорное ощущение безопасности. Преступления в огороженных микрорайонах случаются лишь чуточку реже, но если уж случаются, то готовят их профессионалы. Доказано также, что за оградой

этих кварталов скрываются домашнее насилие и проблемы молодежи с наркотиками.

— Но многие завидуют «огороженным», ибо их дети могут свободно и без опасения пользоваться детскими площадками.

— В правильно спроектированном жилом микрорайоне детская площадка строится так, чтобы она была видна родителям и чтобы они могли быстро до неё добраться. И дети находятся в безопасности. Огороженный микрорайон вредит человеку, у которого нарастает ощущение, что снаружи, за шлагбаумом, живется хуже и таится зло. Поэтому он редко выбирается за шлагбаум не на машине. Особенно если ехать за хлебом ему не меньше пяти минут. У него нет выбора, а есть ли что-то менее демократическое, чем ограничение и отсутствие выбора? Жители огороженных микрорайонов, покиньте шлагбаумы!

— Поворачиваем налево и подъезжаем к Урсинову. Крупноблочная застройка 70-х годов. Панели да понатыканные теперь кое-где более современные жилые дома. Градостроителю это нравится?

— Я бы не проливал слёз по поводу того, что было предложено в Польше в 60-е и 70-е годы. Конечно, архитекторы блочной застройки довели до абсурда идею модернизма, им было важно только поселить на небольшой территории как можно больше людей, в которых нуждалась промышленность. Эта идея плюс плохое исполнение создали крупнопанельную застройку просто в нечеловеческом масштабе.

— В чем заключается человеческий или нечеловеческий масштаб здания?

— Это легко проверить с помощью простого опыта. Вот мать готовит обед на кухне, а ее ребенок играет во дворе. Вдруг она слышит, что ребенок плачет. И теперь: если она может выбежать из дома и добежать до ребенка за время, которое ей самой представляется достаточно коротким, — тогда всё в порядке. А если ей приходится дожидаться лифта, потом спускаться, возиться с домофоном — тогда масштаб здания неподходящий.

— В таком случае что вам нравится в крупнопанельном Урсинове?

— Я бы оценил по достоинству человеческие рефлексy строителей коммунистических микрорайонов. Обычно они

добавляли людям магазины, предприятия сферы обслуживания, поликлиники, школы и дома культуры. И приличный городской транспорт. Создавались микрорайоны, в которых люди могли жить нормально. Выйти с авоськой за покупками, отдать пальто в химчистку, забежать за ребенком в детсад. Всё это вовсе не столь очевидно в зданиях, спроектированных 30 годами позднее, при примитивном, иногда грубом капитализме.

— **Вы имеет в виду новые блочные дома?**

— Я не хотел бы ни называть конкретных застройщиков, ни указывать на конкретные здания, но на этой территории стоят огромные новые дома, которых в нормально спроектированном городе вообще не должно быть. Это декоративные, более дорогие версии советских микрорайонов. Расстановка зданий не формирует никакого разумного общего пространства. Блочные дома стоят параллельно, по юридическим причинам здесь позаботились о расстановке с учетом солнечного освещения, всё по калькулятору. Да только жизнь строится не по калькулятору. Между этими домами гуляет ветер, нет никакой приватности, никакого скверика, принадлежащего жителям. Я уж не говорю о сфере услуг и магазинах. Новые блочные дома, строящиеся в предместьях, — это сущее наказание: геометрический порядок, случайно втиснутая в угол детская площадка, а ближайший продуктовый — полчаса пешком да еще забор. Этого даже коммунисты людям не делали.

— **Возвращаемся по Виляновской аллее. Справа мы миновали ваш «Городок Вилянов», прямо перед нами — Виляновский дворец. Много прогулочных площадок. Недавно выяснилось, что тут собираются выстроить большой торговый центр.**

— Есть планы воздвигнуть здесь призрак всех этих машин XX века для вытряхивания денег, которые наплодились по всей стране на протяжении последних 15 лет. Они отличаются друг от друга лишь декорированием фасадов, что должно производить впечатление, будто это объекты так называемого нового поколения. Это ужасная ошибка. В развитых странах торговые центры закрывают или переделывают в нечто типа town center. Открытую застройку с магазинами на первом этаже и квартирами или офисами на более высоких этажах. Там есть улочки, кафе, площадки с фонтанами, есть зелень. Люди встречаются, могут поговорить друг с другом. В таком месте можно организовать нечто такое, что обожают на Западе: базар со свежими овощами, сырами или колбасой-ветчиной. Такого типа открытые торговые объекты прошли проверку в Америке

в очень многих местах с гораздо более суровым климатом, чем в Польше: в Миссури, Огайо, Миннесоте.

— Вы называете вот эту территорию дворцовой. Но ведь новые дома от Виляновского дворца отделяет улица шириной в несколько полос, по которой несутся машины. Трудно перейти к дворцу за один раз, пока горит зеленый свет! Разве это не злоупотребление?

— Улица может разделять, но может и объединять. Улица Диагонале в Барселоне на некоторых участках — почти автострада, а на некоторых — пешеходная. Пшичулкова, о которой мы ведем разговор, может стать красивым бульваром. С резким ограничением скорости.

— Если удастся такого ограничения добиться. Но поедem на север, в центр города. Неважно, сколько говорить о современности и функциональности модернизма, всё равно окажется, что больше всего привлекает жителей самая старая часть города. Окрестности площади Трех Крестов — это самые дорогие квадратные метры в столице. Вам нравится этот наш квартал XIX века?

— Мой офис находится в доходном доме неподалеку. Модернисты бунтовали против модели города XIX века и сделали ставку на отсутствие декоративности, на геометрию и тотальную функциональность, которой должен был соответствовать современный человек. Но в конце концов оказалось, что человек любит архитектуру, создаваемую в соответствии с его собственным масштабом. Магазины на первых этажах домов, буквально под рукой; можно передвигаться без машины. Такова эта площадь. Ежи Солтан, польский архитектор, который работал с Корбюзье, жесткий модернист, был одним из моих учителей сначала в Университете Райса, потом в Гарварде. Он говорил: если проектируешь город и планируешь, что на одного жителя приходится одна автомашина, — то это уже не город. Площадь Трех Крестов — прекрасное место, хотя немного испорченное.

— Что здесь не так?

— Фонари на площади предназначены не для людей, а для машин. Они освещают улицы, а не тротуары. Они не поощряют человека ходить пешком.

— Невдалеке от репрезентативной площади — Мокотовская улица. Здесь у нас есть великолепно обновленные доходные дома, а среди них — еще старые, запущенные. Вас устраивает,

что в репрезентативных кварталах живут не только люди, которым хватает денег на такие квартиры? У многих из них нет постоянной работы.

— Я очень ценю, что власти города не успели перенять современные тенденции из Франции, где беднейших и неприспособленных вытесняют в предместья. Люди, которые тут живут, — часть вашей культуры, уважайте это, создайте для них сеть услуг, чтобы они могли здесь достойно жить и работать. Сегрегация — крупная ошибка цивилизации. Живешь в одном районе, работаешь в другом. Потом это заходит дальше: в Аризоне и Флориде есть целые районы, где живут только пенсионеры. И семья с ребенком не имеет права там жить. И молодежь — тоже. И что в этом общего со свободой выбора, которой так гордится Запад? В Варшаве, кроме огороженных анклавов, я не вижу формирования гетто.

— В самом центре города у нас находится площадь Парадов (Дефиляд), а в центре этой площади — Дворец культуры и науки. Квинтэссенция тоталитарных устремлений в области архитектуры.

— Действительно, тоталитарная архитектура не способствует демократии. Но не только тоталитарная. Достаточно того, что власть боится людей. Возьмем университет в Сан-Паулу. Он был построен за городом, а расстояния между факультетами такие, что их приходится преодолевать на машине. Его так запроектировали на всякий случай, чтобы студенты не очень-то контактировали друг с другом и не устраивали беспорядков. Площадь Парадов в Варшаве или в Киеве тоже должна была служить тому, чтобы приветствовать войска, а не для свободных встреч людей. И всё же Киев был также местом попытки осуществить демократическую революцию. Значит, всё не так уж плохо.

— Не думаете ли вы, что надо оставить в покое Дворец культуры?

— Конечно. Он похож на многие здания в США несколько более раннего периода. Сталинизм в архитектуре принес меньше вреда, чем следующий период, когда внедрялось крупнопанельное строительство. Ваш район МДМ, то есть жилой квартал, построенный в 50-е годы, может быть, и слишком велик, но вполне функционален в отличие от бесчеловечного километрового волнообразного дома в Гданьске, который появился на 20 лет позже. Разумеется, к территории вокруг Дворца следует относиться внимательнее. Между ним и Центральным вокзалом недавно выросла некая

волнообразная стенка с деревцами, которая по характеру вообще не подходит столице. Провинциальная, дешевая идея. По крайней мере стенка хоть новая и чистая.

— К западу от Дворца культуры и науки возведены современные офисные здания и большие гостиницы. Это наше «Сити».

— Неотъемлемый элемент современного города. Но самый кошмарный сюрприз — это размещение гостиницы «Хилтон» на краю этого современного квартала. Многие иностранцы проверяют в интернете: хорошая марка, поблизости от вокзала. И заказывают номер. А когда приезжают на место, видят царство стекла и стали, погруженное в грязь. Не верят собственным глазам: рядом одни трущобы, парковки, огороженные сеткой, увешанной дешевыми рекламами, по соседству автозаправка. Как из фильма ужасов, Третий мир. Понятно, что владелец дешево продал землю, чтобы за счет гостиницы поднять стандарт прилегающих территорий, но это произойдет не скоро, а конкуренция не дремлет. Нельзя ставить новые дома, а инфраструктуру откладывать на вечное никогда. Люди так долго не живут! Они не хотят ждать. Если прилегающие территории благоустроены, появляются и развиваются магазины, детские площадки, парки, то и само место возрастает в цене. Застройщик ничего не теряет.

— Что касается билбордов и рекламы на заборах, то особых эстетических требований мы к ним не предъявляем.

— Это правда. Каждый забор, кроме центра города в прямом значении слова, увешан баннерами, которые развеваются на ветру, каждая стена облеплена билбордами. Повторяю: это самый эффективный и дешевый способ снизить стоимость недвижимости в данном месте.

— Может быть, Польша — это развивающаяся страна, и ей надо пройти период захламления рекламой?

— Вовсе не надо. Сан-Паулу с его 10 млн. жителей был очень замусорен, и однако буквально за один день избавился от реклам. Конечно, поначалу жители города прямо опешили. Когда сняли эти огромные полотнища, то стали видны обрушивающиеся фасады, грязь. Владельцам пришлось взяться за работу. Было решено, что реклама может занимать не более 5% поверхности. В городских парках, скверах и садах, которые из-за отсутствия муниципальных средств содержат богатые концерны, лишь где-то в стороне размещаются маленькие таблички, информирующие о спонсорах, — и это действует. Те

же принципы относительно минимальной рекламы действуют и в супермаркетах. Сан-Паулу устроил революцию, но в Варшаве достаточно действовать методом малых шагов.

— Ну теперь приглашаю вас в северную часть города. В новые микрорайоны Тархомина. Они побеждают в рейтингах самых недружественных человеку мест в столице.

— Я не удивлен. Здесь сосредоточена вся современная градостроительная нищета. От центра далеко, инфраструктура слабая, некрасивые блочные дома, покрытые дешевой краской, размещенные нефункционально. Слишком мало парков и детских площадок, один мост и постоянные пробки. Люди, которые позволили себя соблазнить этими домами, могут чувствовать себя обманутыми. Без больших инвестиций умного застройщика тут мало что можно сделать.

— Вы можете что-то посоветовать?

— Когда нет выхода, градостроитель скажет: посади деревья. Много кустарников и деревьев. Самое некрасивое здание, спрятанное за зеленью, выглядит вполне сносно.

Беседу вела Эва Винницкая

Ги Кастелен Перри начал свою деятельность, создавая совместно с Риккардо Бофилем проекты олимпийского комплекса в Барселоне, района «Антигона» в Монпелье и штаб-квартиры SWIFT в Брюсселе. Руководил работами по возрождению портовых территорий в Пальма-де-Майорке. Он автор огромного кинокомплекса в Мюлузе. Руководил проектами жилых, офисных и рекреационных комплексов в Японии, Европе и на Гавайях. Руководит проектным бюро «Investment Environments». Более 8 лет преподавал в Гарварде и Массачусетском технологическом институте. Лауреат ряда премий, в том числе ISOCARP Award for Excellence, присужденной ему за микрорайон «Городок Вилянов».